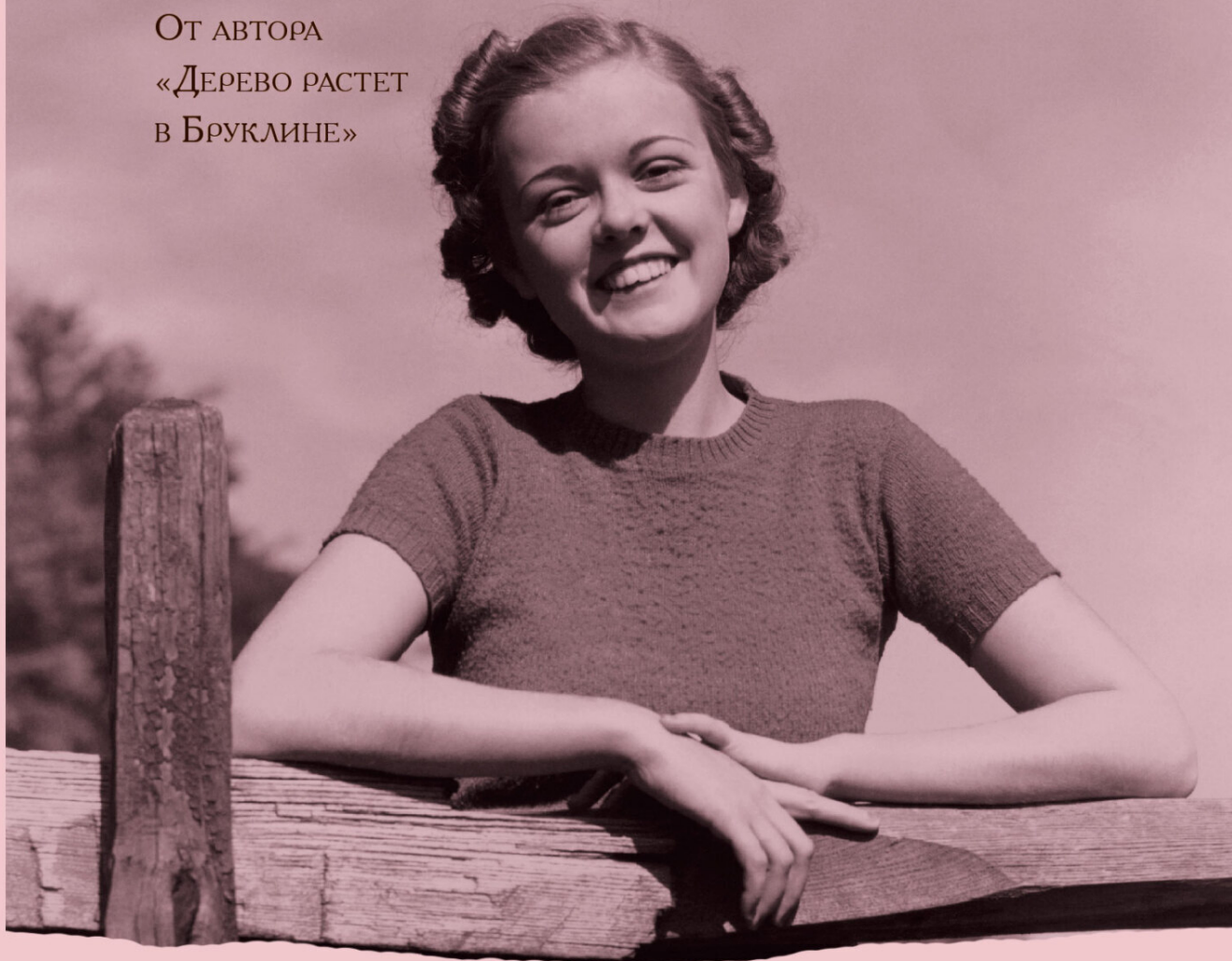

БЕТТИ СМИТ

ОТ АВТОРА

«ДЕРЕВО РАСТЕТ
В БРУКЛИНЕ»

*Завтра
будет
лучше*

Через тернии к звездам. Проза Бетти Смит

БЕТТИ СМИТ

Завтра будет лучше

«ЭКСМО»

1948

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смит Б.

Завтра будет лучше / Б. Смит — «Эксмо», 1948 — (Через тернии к звездам. Проза Бетти Смит)

ISBN 78-5-04-117707-2

Марджи Шэннон выросла в бедной семье, всю жизнь наблюдая за непростыми отношениями родителей. Она была твердо убеждена: когда ей выпадет шанс создать свою семью, все сложится по-другому. Но, выйдя замуж за соседского парня Фрэнки и вырвавшись из родительского дома, Марджи поймет, как сложно остаться верной своим идеалам и не растерять свои мечты, столкнувшись с суровой реальностью жизни. «Завтра будет лучше» – роман о попытке вырваться из замкнутого круга бедности и отчужденности и о том, как родители, желая дать детям самое лучшее, забывают дать им самое главное.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 78-5-04-117707-2

© Смит Б., 1948

© Эксмо, 1948

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	38
Глава 6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Бетти Смит

Завтра будет лучше

«Credula vitam spes fovet, et melius cras fore, semper ait».

Tibullus¹

Betty Smith
Tomorrow Will Be Better

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

Copyright © 1948 by Betty Smith

© Николенко М., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2021

¹ Доверчивая надежда поддерживает жизнь и всегда твердит, что завтра будет лучше. Тибулл (лат.). – Здесь и далее примеч. пер.

Глава 1

«В целом мире не найти места холоднее и безлюднее, чем бруклинская улица в субботу вечером», – подумала Марджи Шэннон и, еще плотнее закутавшись в пальтишко, повернула за угол. Ей уже исполнилось семнадцать, у нее была работа – вот почему она сейчас шагала одна по зимнему городу. Она стала независимой и могла не возвращаться домой к девяти. Тяжело завоеванной свободой надлежало воспользоваться, даже если для этого пришлось бы окоченеть. Конечно, проще было сдаться: укрыться от мороза на теплой кухне. Но Марджи решила проявить стойкость: пусть мама привыкает – для дочери мир не ограничивается неприветливыми домашними стенами. Ради этого она и бродила по улицам в одиночестве холодным январским вечером.

Учебу Марджи прекратила в шестнадцать лет, после двух классов старшей школы Восточного округа. Ей не терпелось скорее найти работу, получать собственные деньги, жить собственной жизнью. Работу она нашла, причем интересную – разбирать корреспонденцию фирмы «Томсон-Джонсон. Товары почтой», чьи конторы и склады находились возле бруклинских доков, в часе езды от дома на трамвае.

Однако эта перемена не принесла Марджи ожидаемой независимости. Собственнические чувства матери не позволили пуповине порваться, а лишь заставили ее дрожать от натяжения. Как и многие другие девушки из бедных бруклинских семей, Марджи должна была приносить все жалованье домой.

Ей платили двенадцать долларов в неделю, и каждый субботний вечер она, по примеру отца, передавала заклеенный конверт в протянутую материнскую руку. Такова была традиция: приличный муж или хороший ребенок приносит домой посылку нераспечатанной.

Из конверта Фло выдавала дочери два доллара, большей частью ушедшие на проезд и ланч – кофе и сэндвич с колбасой (почти все у нее на работе изо дня в день перекусывали именно так). Оставшиеся пятьдесят центов в неделю приходилось растягивать на остальное: и на хот-дог, который Марджи съедала пополам с подружкой, если летом они отправлялись на трамвае в Канарси, и на чашку горячего шоколада с шапкой из суррогатных взбитых сливок и двумя крекерами на блюдечке (в Бруклине это лакомство традиционно завершало воскресную прогулку), и на помаду из магазинчика «Любой товар по десять центов».

У Марджи никогда не хватало денег на все то, что так отчаянно хочется иметь молодой девушке. К примеру, она бы с радостью сделала себе современную стрижку – такую, чтобы казалось, будто волосы растрепал ветер. Как у Рини, ее подружки из конторы. Но модная прическа требовала частых походов в парикмахерскую, а там полагалось оставлять сверх положенной платы еще и центов пять на чай. Поскольку Марджи не могла себе этого позволить, приходилось довольствоваться обычной стрижкой «под фокстрот», и ее лицо с обеих сторон облепляли жиденькие кудряшки.

Иногда Марджи мечтала, что ей вдруг прибавили жалованье. Обязательно ли говорить об этом маме? Или можно незаметно вытаскивать лишний доллар-другой, а потом снова заклеивать конверт? Чего только не купишь на эти деньги!.. И все-таки это был бы обман. Марджи помнила, что сказала ей учительница, когда на контрольной она краем глаза заглянула в соседнюю тетрадку:

– Так начинают все преступники. Сначала человек списывает в школе, и это сходит ему с рук, потом совершает все более и более серьезные проступки. Пока не попадает в тюрьму Синг-Синг.

Становиться преступницей Марджи, конечно, не хотела. С другой стороны... никто ведь не узнает! Перед ней возникала старая детская дилемма: нажать или не нажать на кнопку, если

от этого в Китае умрет китаец, а ты получишь миллион долларов. Иногда Марджи казалось, что она нажала бы на кнопку без колебаний, а иногда – что миллион долларов не стоит жизни человека, даже если он китаец и живет на краю земли. Как бы то ни было, нажать на такую кнопку Марджи никто не предлагал, и на прибавку в ближайшее время тоже рассчитывать не приходилось. Это избавляло ее от сомнений.

Перед тем как вернуться, Марджи решила еще раз пройти мимо дома Фрэнки. Она в него не влюбилась, просто это был один из немногих парней, которых она знала. Впервые она обратила на него внимание два года назад, когда они оба выпускались из средней школы № 18. До церемонии выдачи аттестатов он был для нее просто Фрэнки – малознакомый темно-волосый мальчишка-ирландец. Но когда директор произнес его полное имя: «Фрэнсис Зейвир Мэлоун», оно показалось ей значительным, как раскрытая тайна. И сам Фрэнки с тех пор тоже стал значить для нее больше, чем раньше.

Во время прогулок по кварталу она дважды проходила мимо его дома. На третий раз ей повезло: Фрэнки как раз спускался, громко стуча подошвами, на улицу. Марджи чуть вздрогнула, сделав вид, будто вышла из глубокой задумчивости, когда он вдруг обратился к ней:

– Что скажешь, Мардж?

– Ужасно холодно, правда? – произнесла она, постаравшись придать своему голосу дразнящую певучесть.

– И не говори!

Он зашагал в противоположную сторону – в магазинчик на углу за пачкой сигарет или проверить, продается ли уже утренняя газета. Как жаль, что Марджи сегодня гуляла по часовой стрелке! А то бы ей было с Фрэнки по пути, и они дошли бы вместе аж до ближайшего поворота. Она понимала, что парень ничего особенного собой не представляет. И все же сойдет, пока не подвернется кто-нибудь посерьезнее.

Домой она вернулась чуть позже девяти, тем не менее Фло принялась с подозрением ее расспрашивать:

– Где была?

– Нигде.

– Зимой по ночам люди «нигде» не ходят.

– Я просто гуляла.

– В такой холод никто «просто» не гуляет. Тебя где-то носило, и ты боишься сказать об этом родной матери.

– Ох, мама! – вырвалось у Марджи.

– Ради твоего же блага тебе говорю: доиграешься, доведет тебя какой-нибудь мужчина до беды, тогда не приходи ко мне плакаться!

– У меня нет знакомых мужчин, а если бы и были, мне негде доходить с ними до беды.

– Было бы желание, а и место, и способ найдутся, – изрекла Фло угрюмо. – Так где тебя носило?

– Я просто гуляла. Честное слово. Оставь меня в покое, мама. Пожалуйста!

– Вы с отцом – два сапога пара! Только задашь вам вопрос – вы сразу давай петушиться.

– А где, кстати, папа? – спросила Марджи, радуясь возможности сменить тему.

– Бог его знает! Небось только под утро явится. Что ни вечер, бросает меня дома одну и... – Фло понеслась, попав в наезженную колею.

В постели Марджи долго не могла согреться. Пришлось укрыться с головой и дышать под одеялом. Наконец она расслабилась, задремав под завывание ветра за окном. «Как мне повезло, – подумалось ей, – что у меня есть дом! Это, наверное, ужасно – не иметь своего

угла и бродить ночью по холодным улицам до тех пор, пока не замерзнешь насмерть. Если мне прибавят жалованье, я все отдам маме. Чудесно иметь дом и семью!»

Прежде чем Марджи успела крепко уснуть, к ней пришел тот сон, который она уже видела много раз: о том, как однажды в детстве она потерялась на улице. Зная, что будет страшно, Марджи подумала, не разогнать ли дремоту, пока не поздно, но все-таки не захотела бороться с приятной слабостью во всем теле и позволила себе провалиться в забытье.

Дело было летом. Жарким летним утром. Сновидение начиналось с того, что Марджи почувствовала теплый ветер, обдувающий ноги. Вот она опустила глаза: да, на ней носочки и новенькие коричневые босоножки, которые мама приобрела для нее в магазине Бэттермена за сорок девять центов. Гордость по случаю их покупки – одно из ее первых воспоминаний. И вот во сне она снова радовалась этим сандаликам.

Марджи – пятилетняя девочка, мама – женщина двадцати пяти лет, очень красивая (так, по крайней мере, кажется маленькой дочке). Каким-то необъяснимым образом мать исчезает, и ребенок остается один. Поддаваясь нарастающей панике, Марджи бродит по Бруклину. Наконец поворачивает за угол и радостно понимает, что оказалась на знакомой улице. Дом совсем рядом, нужно только пройти в огромные железные ворота. Марджи бежит к ним и видит за ними Фрэнки – но не мальчика из школы, а юношу. Она с облегчением выдыхает: сейчас он ее впустит. Однако, приблизившись к решетке, она видит на его лице ухмылку и слышит шелчок. Фрэнки запер ворота, дальше не пройти. Марджи рыдает.

Ее будит какой-то шум. Сев на кровати и прислушавшись, она понимает, что издавала этот звук сама: плакала в голос во сне. «Вот дуреха!» – ругает себя Марджи. И что в ее кошмаре делал Фрэнки?.. Протянув руку, она щупает стену. Потом заглядывает через открытую дверь своей комнаты в гостиную. Видит узкие окна, наполненные светом фонарей. «Я дома, – успокаивает она себя. – Лежу в собственной постели, и мне нечего бояться. Только если я опять усну, кошмар продолжится. Надо медленно досчитать до ста».

Не успев досчитать и до шестидесяти, она все-таки заснула. Но на этот раз глубоким сном без сновидений – таким, на какой молодые люди имеют полное право.

Глава 2

По бедным улочкам Уильямсберга² торопливо шагала женщина. За ней старательно семенил маленький ребенок. То и дело девочка останавливалась, чтобы отдышаться, а потом трусила еще быстрее, чтобы наверстать упущенное время.

– Последний раз я взяла тебя с собой, – проворчала женщина рассеянно. – Будешь сидеть дома одна.

Эта угроза не произвела на девочку особого впечатления. Монотонный голос матери, всегда повышенный от недовольства, звучал для нее как сама жизнь. Если бы он вдруг стал ласковым, малышка растерялась бы. Она внезапно попала бы из единственного мира, который знала, в какой-то чужой и потому пугающий.

– Каждый раз одно и то же! – раздраженно продолжала Фло. – Вечно ты ноешь и ноешь! – Она перешла на скрипучий гнусавый фальцет: – «Возьми меня с собой! Возьми меня собой! Я буду вести себя хорошо!»

Марджи подняла глаза на мать, не понимая, кого та передразнивает. Она не знала людей, которые так разговаривают.

Фло прочитала мысли дочери.

– Да, да! Я тебя имею в виду! Не притворяйся, будто тебе невдомек. – Горестный тон матери внушал ребенку мучительное чувство вины. С каким-то рассеянным негодованием женщина продолжала: – Ты такая же, как твой отец. Никогда вы не знаете, чего хотите. Даешь вам то, что вам, по-вашему, требовалось, а бываете ли вы довольны? Да никогда! – И далее в том же духе.

Фло не испытывала неприязни к своему ребенку. Если бы жилка ее истинных чувств высвободилась из-под затвердевших слоев тревоги, горечи и бессилия, стало бы очевидно, что она любит дочку. Просто ей больше не на кого было выплеснуть эмоции – в этом и заключалась причина ее постоянных придинок и раздражения. Марджи стала для матери символической фигурой, которой можно было адресовать свои мысли, высказываемые вслух. Никто не слушал с таким вниманием и так не силился понять. Если бы сам Господь Бог упрекнул Фло в том, что она постоянно клюет малышку, она бы сказала в свою защиту: «Да это ж ничего не значит! Ребенок не соображает, о чем я говорю». Потом, демонстрируя своеобразную женскую склонность к противоречиям, Фло прибавила бы: «К тому же чем быстрее девочка смекнет, что жизнь не сплошные цветочки да сердечки, тем легче ей будет».

Они дошли до перекрестка. Фло хотела взять дочь за руку, но та, опасаясь, как бы мама не заставила ее бежать еще быстрее, спрятала ручонку за спину и помотала головой.

– Ну ладно! Тогда не вздумай больше за меня цепляться. Можешь хоть исчезнуть – мне все равно.

Стоя с Марджи на обочине, Фло окинула взглядом несимпатичную улицу длиной всего в один квартал. Это был тупик, упиравшийся в двенадцатифутовые³ железные ворота мрачной серой благотворительной больницы, которые делали его похожим на большую узкую клетку. Казалось, стоит тебе свернуть на эту улицу, и пути назад уже не будет. Ты навсегда останешься здесь, перед запертыми больничными воротами.

Фло стало не по себе. В то же время в этой картине было что-то завораживающее. «Чистилище, – подумала она. – Да, чистилище и есть. Тут маются потерянные души, до которых никому нет дела. Здесь как будто совсем нету жизни: ни деревьев, ни пташек, ни фикусов, ни гераней. Интересно, правду ли болтают об этой улице? Здесь, говорят, нашли убитого муж-

² Уильямсберг – район в Бруклине (Нью-Йорк).

³ 1 фут = 30, 48 см.

чину: он был залит цементом в подвале. А еще тут проститутки чуть не в каждом доме. Хотела бы я знать, бывал ли *он* хоть раз...»

Фло быстро отогнала мысль о возможной неверности мужа. «Где ему взять два доллара? – урезонила она себя. – Ведь всю получку он отдает мне. Права была мама, упокой Господь ее душу. „Пускай отдает тебе конверт нераспечатанным, – говорила она. – Возьми с него такое обещание в первую брачную ночь. В первую брачную ночь мужчина на все согласится“. Хорошо, что шесть лет назад я послушала маму. А то сейчас он бы уже ничегошеньки мне не пообещал».

Не прерывая потока своих мыслей, Фло сказала ребенку:

– Помни, твоя бабушка была хорошая женщина.

Эти слова озадачили Марджи: ей было непонятно, с чего вдруг речь зашла о бабушке. Она захныкала. Фло раздраженно вздохнула:

– Ну чего *теперь*?

– Улица, – жалобно ответила Марджи.

– Чем она тебе не угодила?

– Мне не нравится, как она на меня смотрит.

Обращаясь к безлюдному тупику, Фло произнесла:

– Улица-улица, этой девочке не нравится, как ты на нее смотришь. Так что перестань, слышишь? А то я задам тебе, улица!

Марджи принялась заинтересованно оглядывать тупик, по-видимому, ожидая чуда.

– Не перестает, – сказала она. – Продолжает глядеть.

– Эх ты! – раздосадованно воскликнула мать. – У улицы нету глаз. Она не может на тебя смотреть. А если уж смотрит, – подобные логические повороты всегда озадачивали Марджи, – то тебя никто не заставляет тут стоять и играть с ней в гляделки. Сейчас перейдем дорогу, и чтобы я больше не слышала таких глупостей!

Девочке было страшно переходить угрюмую улицу. Она потянулась к маме, но Фло не упустила случая отомстить дочке за недавний жест независимости: тоже спрятала руки за спину и покачала головой. Глаза Марджи наполнились слезами.

– Ну как? Нравится? – спросила Фло.

Ничего не ответив, девочка принялась быстро перебирать тонкими ножками, чтобы поспеть за матерью. Перейдя улицу, Фло прибавила шагу, и ребенок начал отставать. «Ничего, догонит, – подумала она. – Детей надо учить. Надо шутить над ними, когда они пугаются. Я сама вот так всему и научилась». Где-то в глубине ее сознания слабо забрезжила мысль:

– А чему, собственно, ты научилась?

– Ну как же... как же... Я научилась держаться на ногах.

– Да? – язвительно спросила мысль.

– Да, – ответила Фло, но без особой уверенности.

Марджи отстала так сильно, что уже и не пыталась догнать маму. Вместо этого она повернула обратно, решив проверить, по-прежнему ли та улица будет на нее глядеть. Вновь оказавшись перед железными воротами, Марджи стала медленно к ним приближаться. Она заглядывала в окна каждого дома в ожидании чего-то, что должно было случиться. К ее удивлению, решетка не запирала улицу наглухо, а только перекрывала узкий проход, за которым начиналась другая улица. С Марджи мигом слетела усталость. Забыв посмотреть направо и налево, как учила мама, девочка перебежала через дорогу, схватилась за железные прутья ворот, прижалась к ним всем тельцем и на секунду зажмурила глаза, чтобы сильнее удивиться тому, что должна была увидеть.

В первый момент ее разочарованный взгляд наткнулся только на мрачные серые стены мрачных серых зданий. Но вот к одному из них подъехал грузовик – тоже серый, похожий на коробку. Два человека в белых халатах вытащили оттуда кровать, у которой не было ни спинки,

ни ножек – смех, да и только. Марджи вообще не поняла бы, что это кровать, если бы на ней не лежал какой-то мужчина. Он спал днем – забавно! Папа Марджи спал только ночью. И еще одна смешная штука: этот человек уснул прямо в одежде. Из-под серого одеяла выглядывали его туфли. Наверное, он собирался куда-то пойти, как только проснется, потому что шляпа уже лежала наготове у него на груди.

Открылась дверь, вышла леди, одетая во все белое. Мужчины в халатах заулыбались ей. Тот, который повыше, что-то сказал. Улыбнувшись в ответ, леди взяла шляпу спящего и надела ее себе на голову, набекрень. Высокий мужчина отнял одну руку от кровати и попытался обнять даму. Все трое засмеялись, а кровать немножко перекосилась.

В этот самый момент показалась монахиня. Она остановилась на пороге, спрятав руки в широкие рукава, как в муфту. Трое в белом не заметили сестру. «Псст!» – прошептала Марджи, чтобы их предупредить. Каким-то образом девочка поняла, что этим троим не полагалось веселиться рядом с одетым мужчиной, который так крепко спал на своей смешной кровати.

Внезапно обернувшись и увидев монахиню, белая леди положила шляпу обратно на грудь лежащего и бегом вернулась в здание. Мужчины получше взялись за кровать и вошли туда же вместе с нею. Сестра, маршируя как солдат, замкнула шествие. Марджи подождала еще, но больше ничего не произошло. Только солнце освещало серую пустоту.

Девочка задумалась о том, почему человек спал среди дня и почти на улице. Почему мужчины в белых халатах несли его кровать так, будто не боялись, что он упадет и ушибется. Почему высокий хотел поцеловать даму, когда та надела шляпу, и почему они испугались, когда увидели сестру. Сестра не ругалась, а просто стояла. Но они переполошились, как если бы она на них накричала.

Марджи пошла по улице, пересекавшей тупик, и увидела девочек, которые играли в игру под названием «истуканы». Ведущая брала одну из подружек за руку, кружила ее, а потом отпускала, и в этот самый момент она должна была замереть как статуя. Три девочки уже застыли в разных позах, а еще две ждали своей очереди. Марджи робко приблизилась и тоже протянула руку, однако ведущая не обратила на нее никакого внимания. Тогда она покружилась сама, запнулась словно в изнеможении и принялась балансировать на одной ножке, подняв руку, как Статуя Свободы, а для большей эффектности еще и высунув язык. В этот момент другие застывшие фигуры внезапно ожили и бросились в атаку.

– Она здесь не живет! – взвизгнула одна из девочек.

– Эй ты, уходи! – закричала другая.

– Иди отсюда! – скомандовала ведущая.

– Вали в свой вонючий квартал и там играй, – угрожающе произнесла старшая из подружек.

Все девочки, как по сигналу, замахали ладонями прямо перед лицом Марджи. Они не прикасались к ней, но от их движений ее кудряшки заколыхались, как на ветру. Марджи сперва съезжилась, закрывшись ручонками, а потом бросилась бежать.

Повернув за угол, она присела на бордюр, чтобы отдышаться, и, поразмыслив над произошедшим, пришла к выводу, что девочки не хотели видеть ее в своем квартале. Наверное, ей самой тоже не понравилось бы, если бы незнакомым детям вздумалось играть возле ее дома. «Значит, так полагается, – подумала Марджи. – Играть можно только там, где живешь. Когда какие-нибудь чужие девочки придут в наш квартал, я тоже должна буду их прогнать».

От мостовой под ее ногами вдруг поднялся страшный шум: четыре громадных першерона тянули по улице телегу, груженную бочками с пивом. Ритмичный стук шестнадцати копыт, тяжело поднимающихся и опускающихся на уровне детских глаз, казалось, заполнил собой весь мир. Заставив себя оторваться от этого зрелища, страшного и в то же время завораживающего, Марджи посмотрела выше: возница в кожаном фартуке и со множеством кожаных ленточек в руках полусидел-полустоял, упираясь ногами в переднюю доску. Он так натянул пово-

дья, что кони изогнули шеи. Один из них показал большие желтые зубы – наверняка для того, чтобы укусить Марджи. Искры, высекаемые копытами из булыжников мостовой, снова заставили девочку опустить взгляд. Ей показалось, будто лошади распространяют вокруг себя огонь – огонь, который сожжет ее, если она не убежит. Однако убежать не позволял страх. Конские копыта становились все больше и больше, двигаясь прямо на нее. Марджи крепко зажмурилась и сидела так, пока лошади не протопали мимо. Тогда она приоткрыла один глаз и увидела то, чего раньше никогда не замечала, – мохнатую юбочку грубых волос над лошадиным копытом, которую колыхал воздух, взбаламученный движениями животных. Марджи широко раскрыла оба глаза: оказалось, у всех четырех тяжеловозов на ногах кудряшки. Глядя вслед проехавшей телеге, она залюбовалась тем, как крутятся колеса, смазанные блестящим черным дегтем.

Итак, тяжелая повозка прогрохотала мимо, не задев Марджи. Большие бочки, подпрыгивая, сердито дребезжали, но, вопреки опасениям девочки, ни одна из них не скатилась и не раздавила ее.

Девочка решила посидеть еще – подождать новых коней с кудряшками на ногах. К сожалению, телег, запряженных четверками тяжеловозов, больше не было. Мимо прошла, понурив голову, только тощая темно-бурая лошадь в соломенной шляпе с дырками для ушей. Она тащила маленькую разрисованную тележку, нагруженную фруктами и овощами. Над местом возницы торчал большой желто-красный зонт с надписью «Блумингдейлз». Сам возница – тоже тощий и смуглый – там не сидел, а шел рядом и, приставив ладонь ко рту, распевал странную песню:

– Шипи-нат! Сельде-рей! Спа-ржа! Зеленый ла-тук!

«Латук» звучало как «аминь» на праздничной мессе. Женщины выходили из домов, быстро, но страстно торговались с бродячим зеленщиком и возвращались, победоносно размахивая, точно флагами, морковной и свекольной ботвой.

Овощи напомнили, что пора обедать, а за свою недолгую жизнь Марджи успела твердо усвоить: к обеду нужно быть дома. Она повернула туда, откуда пришла, однако, вспомнив про злых девочек, снова повернула и зашагала по другой дороге. Сворачивая за угол, Марджи рассчитывала попасть в тупик с железными воротами, но попала на какую-то незнакомую улицу без ворот. Уже раскаиваясь в том, что ушла от мамы, она попыталась заглядить свою вину, внимательно глядя по сторонам. Перейдя на другую сторону, опять повернула и опять никаких ворот не увидела. Куда же они подевались?! Может, их вообще не было? А может, и мамы не было? Или мама ее разлюбила и нарочно потеряла? Разве мама не говорила: «Будешь плохо себя вести – отдам тебя старьевщику!»?

В этот момент из ближайшего дома вышел мужчина, проспавший всю ночь и полдня в помещении без окон. Теперь свежий воздух чуть не убил его. Сделав глубокий вдох, он пошатнулся. Решив, что это старьевщик, который пришел ее забрать, Марджи разинула рот и заревела. Но мужчина прошел мимо, даже не взглянув на нее. У него был полон дом собственных ревуших детей. На чужого ревушего ребенка он не обратил совершенно никакого внимания.

Мужчина скрылся из виду, а Марджи все продолжала выть. Постепенно вой перешел в беззвучные судорожные всхлипывания. Какая-то тетя, проходившая мимо, остановилась.

– Что с тобой, девочка?

– Я потялась.

– Потерялась?

Еще одна женщина, толстая, торопливо сошла со своего крыльца.

– Что случилось?

– Девочка потерялась.

В открытое окно высунулась третья женщина, с жидкими седыми волосами, накрученными на коричневые кожаные папильотки.

– Что у вас там такое? – прокричала она.

– Маленькая девочка потерялась! – важно объявила толстуха.

– Вот как? – заинтересованно протянула женщина в папильотках и, сложив руки на подоконнике, навалилась на них тяжелой грудью: наконец-то на улице произошло событие, на которое можно потратить хоть немного медленно ползущего времени.

Еще несколько хозяек высунулись из окон, кое-кто вышел на улицу. Каждая спрашивала: «Что случилось?» – а соседки, как хор в греческой трагедии, отвечали ей: «Маленькая девочка потерялась!» Во время напряженных пауз сама Марджи, возвысив дрожащий голосок, скулила:

– Я потерялась!

– Потерялась, наверное, – предполагала новоприбывшая женщина, и все с ней соглашались.

Толстуха попыталась утешить ребенка:

– Не плачь, детка. Я тоже, когда была маленькой, один раз потерялась. Но потом мама меня нашла.

Недоверчиво посмотрев на женщину, Марджи решила, что такая здоровенная толстая тетка никогда не могла быть маленькой.

– Нет! – отрезала девочка категорично, хотя, с чем именно она спорит, было непонятно.

– Скажи, как тебя зовут, детка, – медоточиво пропела толстуха. – Я разыщу твою маму.

Детка перестала плакать и стиснула зубы. Она считала, что, если выдать свое имя, можно навлечь на себя беду.

Толстая женщина попробовала зайти с другой стороны:

– Ну-ну! Готова поспорить: ты даже не знаешь, сколько тебе годков!

Это задело самолюбие Марджи.

– Мне почти что пять! – объявила она.

Женщины с улыбкой переглянулись, словно говоря друг другу: «Ну вот, уже лучше».

– Так как же тебя зовут, Почти-Что-Пять? – спросила толстуха слащаво.

Марджи только поджала губы.

Тогда женщина, отвернувшись от девочки, доверительно обратилась к толпе соседок:

– Представляете? У ребенка совсем нету имени!

Но и это не подействовало. Лесть, попытки подкупа, угрозы – все было напрасно. Толстуха сдалась, провозгласив вердикт:

– Упрямица! Будь она моя, я бы ей показала!

Эти слова прозвучали так зловеще, что Марджи опять заплакала. Кто-то предложил позвонить в полицию. Женщины принялись выяснять, у кого есть телефон. Оказалось, ни у кого. А до ближайшего магазинчика с таксофоном было два квартала. Идти туда никто не желал. Одна женщина сказала, что не хочет, чтобы полицейские задавали ей вопросы.

– Есть чего скрывать? – спросила ее соседка.

– Не твое дело, – ответила она. – Иди-ка ты лучше сама.

Неофициальный комитет выдвинул такой план: толстая проводит ребенка до магазина, позвонит и оставит девочку дожидаться полицейских.

– Вот еще! – возмутилась толстуха. – Чтобы меня арестовали за похищение? Ну уж нет!

Пока продолжался спор, сквозь толпу пробралась еще одна женщина – нездешняя. Местные неохотно дали ей пройти, окидывая ее с ног до головы враждебными взглядами. Для этого времени суток она была чересчур разодета. Добропорядочные хозяйки сейчас занимались домашними делами, закутавшись в халаты. Ну, или собирались заняться домашними делами. А облегающее платье этой незнакомой особы им не нравилось – как и сильный запах душистой пудры «Джер кисс», который от нее исходил. Не сводя с нарядной дамы глаз, они принялись перешептываться.

– Сразу видно, что за птица, – пробормотала одна из них, скривив рот.

– Экая фифа! – сказала другая.

Новоприбывшая с улыбкой наклонилась над Марджи.

– Как тебя зовут, сестренка?

Услышав тихий мягкий голос, девочка перестала плакать. Женщина присела и обняла ее за талию. Девочка почувствовала себя увереннее, потому что леди уже не возвышалась над ней.

– Ну же, ответь мне.

– Если она нам не сказала, то вам и подавно не скажет, – ухмыльнулась толстуха.

– А вот и скажу! – с вызовом выпалил ребенок. – Меня зовут Марджи Шэннон!

– Марджи Шэннон! – разнеслось по толпе женщин.

Одна из них прокричала тем, кто наблюдал за происходящим из окон:

– Ее зовут Марджи Шэннон!

– Марджи Шэннон! Марджи Шэннон! – летело от соседки к соседке, от окна к окну.

Это имя наполнило всю улицу, и его обладательница почувствовала себя очень важной персоной.

– А теперь скажи, на какой улице ты живешь и в каком доме.

– Скажу, но только вам на ушко.

Леди поднесла ухо к губам Марджи, и та уловила чудесный аромат, похожий на запах розовых леденцов. Обведя толпу дерзким взглядом, девочка тонкими ручонками обхватила даму за шею и прошептала адрес, который затвердила, по требованию мамы повторив раз сто, как попугай.

– Только *им* не говорите, – прибавила она вслух.

«Ишь ты, как притихла! – подумала Фло Шэннон, полагая, что ее единственное дитя добросовестно семенит сзади. – Надо не обращать на них внимания. Тогда они приучаются полагаться на себя. Я сама так росла, и все со мной в порядке... И чего это я опять думаю об одном и том же? Хорошо бы мне почаще выходить из дому. Не только за покупками и к мессе. Хорошо бы поглядеть на разные вещи... В детстве я мечтала о путешествиях. Но теперь я замужняя женщина. Можно было бы, конечно, подыскать себе что-нибудь попримечней Хенни с его квартиркой без горячей воды на Моджер-стрит. Девчонкой я себе иное вообразала. „Меня в такую халупу, как ваша, никто не заманит, – сказала я однажды бедной маме, упокой Господь ее душу. – Или выйду за мужчину, который даст мне дом получше того, что дал тебе папа, или помру старой девой“. А мама ответила: „В твои годы я тоже мечтала о всяком. А теперь вот погляди: родная дочь меня стыдится“ – и заплакала. А я ее не стыдилась. Просто думала, что должна удачней устроиться в жизни. Такие у меня были идеи. И надо же мне было встретить Хенни на той однодолларовой вечеринке! Уж очень я любила потанцевать! Хенни казался не таким, как все. По крайности со стороны. Днем усердно трудился, а после работы ходил в вечернюю школу, чтобы выучиться на копа. Я думала, у него тоже идеи. А после свадьбы его точно подменили. Теперь он обычный работяга, которого к тому же вот-вот уволят. Помрет он – останусь я без пенсии, с малышкой на руках...»

– Марджи! – Фло обернулась, уверенная, что дочь идет следом.

Не увидев ребенка поблизости, она испытала скорее раздражение, чем тревогу. Наверное, девочка спряталась за какой-нибудь дверью. Посмотрев на табличку с названием улицы, Фло поняла, что находится в незнакомом месте. «Чего я делаю на Морган-авеню? – спросила она себя. – Таким манером можно до самого Риджвуда дойти и не заметить. Очень уж я задумалась. Нельзя так, а то мало ли...»

– Марджи! – крикнула она пронзительно. – Сейчас же выходи, слышишь? – Она подождала. – Я знаю, где ты прячешься. Вот доберусь до тебя, тогда ты получишь! Помняи мое слово!

Фло опять сделала паузу. На этот раз тишина уже показалась ей гнетущей. Вся улица словно бы затаила дыхание, тоже чего-то ожидая. Повернув назад, Фло принялась заглядывать

в подъезды, ведя односторонний разговор с невидимым ребенком. Сердитые нотки в ее голосе сменились страхом.

– Ну ладно, Марджи, мама пошутила! Хватит прятаться, выходи! Я не буду тебя шлепать, я тебе даже мороженого куплю! В вафельном рожке! Давай поиграем в прятки, – пропела Фло, решив схитрить. – Я закрою глаза и сосчитаю до десяти. Ты выйдешь, и тогда будет моя очередь прятаться. Готова?

– Готова! – ответило уличное эхо, как будто ребенок действительно был где-то рядом и хотел играть.

Фло, зажмурившись, честно сосчитала до десяти. Потом тоненьким голосом продекларировала почти забытую детскую закличку:

– Где б ты ни был, выходи!

Марджи не вышла, зато, словно по заклинанию, не пойми откуда материализовался какой-то старикашка. Он погрозил Фло пальцем и сказал:

– Глупо играть с ребенком, которого здесь нет!

Договорив, старичок тут же поднес ладонь к уху в напряженном ожидании ответа.

– Я не играю. Я потеряла дочку.

– Чего-чего?

– Моя дочка потерялась.

– Так разыщи копов. Пусть отведут тебя домой. Они должны. Мы же платим налоги! Или ты думаешь, что не платишь налогов? Но за квартиру-то ты платишь. А значит, и налоги. А раз платишь налоги, то и копам платишь. Стало быть, найди их, скажи, что ты потерялась, и пускай они о тебе позаботятся, а ко мне не приставай.

– Никто к вам не пристает! – прокричала Фло. – И потерялась не я, а моя дочка!

– Ну, другое дело. Тогда иди туда, где ее оставила. Там она и стоит.

– Да не будет она стоять на месте!

– Значит, бродит по кварталу. Человек, когда потеряется, всегда кругами ходит. Ты разве не знала?

– Не берите в голову. – Фло не терпелось отделаться от говорливого старичка. – Я ее найду.

– Про это я в книжке вычитал. Я много читал в свое время. – Увидев, что Фло уходит, он заговорил громче, тоном старого морехода⁴, в надежде удержать ее своим голосом: – Ты бы удивилась, если б узнала, сколько всего я прочел, когда был помоложе. Ведь так по моему виду и не скажешь, что оно сидит во мне – все то, чего я начитался.

Фло не останавливалась.

– В другой раз расскажете, – бросила она ему.

– Когда? – прокричал старичок взволнованно, но Фло уже ушла совсем далеко. Тогда он сказал сам себе тихо и грустно: – Я бедный одинокий старый человек. Люди мало со мной разговаривают. А зря. Мне есть что рассказать...

Фло подошла к воротам больницы: по двору, склонив голову, бродила монашка.

– Сестра, вы не видели здесь маленькую девочку?

Монахиня слегка покачала головой и грустно улыбнулась.

Неподалеку дети по-прежнему играли в «истуканы».

– Мимо вас незнакомая девочка не проходила? – спросила у них Фло.

– Проходила, – сказала одна.

– Нет! – закричали другие.

⁴ Старый мореход – заглавный герой поэмы английского поэта-романтика Сэмюэла Кольриджа, написанной в 1797–1798 гг.

– Куда она пошла?

Две девочки показали направо, одна – налево, а ведущая ответила, что не знает.

Фло неистово металась по улицам, опасаясь, как бы ей самой не потеряться. У всех, кого встречала, она спрашивала: «Вы не видели маленькую девочку?» Все говорили «нет» и смотрели на нее странно. Порывшись в сумочке, Фло достала четки из эбенового дерева и принялась на ходу их перебирать. Горячечным шепотом пробормотав положенное число раз «Аве Мария» и «Отче наш», она обратилась к Богу своими словами: пообещала, что никогда больше не будет срывать зло на ребенке, если только Он поможет ей его найти.

Ее ум, всегда охотно обращавшийся к прошлому, вернулся к моменту рождения Марджи. Фло вспомнила, как младенца впервые принесли ей для кормления, как она осторожно приподняла и разжала тугую кулачок, как восхищенно ахнула, увидев крошечные ноготки, похожие на идеально ровненькие частички перламутра, как сердце наполнилось нежностью, когда маленькие пальчики обхватили ее палец. В тот миг Фло пообещала Деве Марии, что ничего плохого никогда не случится с ребенком, которого она, Флоренс Шэннон, произвела на свет.

А теперь ребенок пропал. Словно его и не было.

Фло выудила из сознания воспоминание о том, как Марджи училась ходить: вот малышка с трудом балансирует на широко расставленных ножках, вот делает первый неуверенный шаг по линолеуму кухни, вот покачивается как будто в нерешительности и наконец тяжело садится на пол. Мать, затаив дыхание, ждет крика боли, но вместо этого по личику ребенка широко расплывается гордая улыбка. Марджи встает, снова делает шаг и снова падает. Так повторяется дюжину раз, пока девочка не осваивает хитрый навык – ставить одну ножку перед другой, при этом умудряясь не падать.

Воспоминания переметнулись к родовым мукам, заставив Фло приостановить стремительные шаги. Боль, возникшая в сознании, переросла в глухую пульсацию, ощущаемую по настоящему. «Сегодня будет дождь», – подумала Фло. Швы всегда болят перед дождем.

Теперь она вернулась в беременность. Кажется, вчера или позавчера ей попало на глаза то старое платье, которое она не носила уже четыре года... нет, пять лет. Когда начались схватки, она его сняла и повесила в шкафу на гвоздь. И только вчера... нет, позавчера убрала с гвоздя. За все эти годы платье ни разу не гладили, и тяжелая материя по-прежнему провисала на месте живота, который в свое время растягивал юбку так, что она чуть не лопалась по швам. Казалось, ребенок до сих пор не родился, и эта ткань продолжает его оберегать.

Фло зашагала быстрее, чтобы оторваться от своих мыслей. Но мысли тоже ускорились и не отставали. «Только вчера, – подумала она, – у меня было все. Сегодня нет ничего. Прошное еще можно потерпеть, а вот настоящее – зло». В прошлом у нее была заботливая мать, любовь к парню, за которого она вышла замуж, маленькая дочка. Теперь мать умерла, муж превратился в угрюмого чужого человека, дочь исчезла.

«Она погибла, – решила Фло. – Утонула в Ньютаун-Крике, или ее засыпало углем, который наваливают большими кучами во дворах. Тело не найдут до самой зимы, когда люди начнут отапливаться».

Фло горько заплакала.

Через несколько минут она свернула на свою улицу и увидела Марджи: девочка сидела на бордюре возле их дома, уплетая неаполитанское мороженое в вафлях, которое купила ей незнакомая надушенная женщина.

У Фло едва не подкосились ноги: казалось, кости растаяли от нахлынувшего чувства облегчения. Но в следующую секунду оно сменилось убийственной яростью: она тут чуть все сердце не выплакала, горя по умершему ребенку, а предмет ее горя между тем сидит себе преспокойно возле дома и наслаждается мороженым! Марджи встала и, улыбаясь, протянула матери свое лакомство в качестве соблазнительного приветствия.

– Я тебе покажу, как пугать меня до смерти! – закричала Фло.

Подскочив к дочери, она выбила мороженое у нее из руки и вlepила ей пощечину: сначала одну, потом вторую для равновесия, потом еще и еще. Марджи раскачивалась из стороны в сторону, как последняя кегля в кегельбане, которая все никак не упадет.

Девочка была мала, и предметы, находившиеся на земле, казались ей больше, чем они кажутся взрослому человеку. Когда мама наступила на мороженое, упавшее в канавку, белые, коричневые и розовые капли, брызнув на новые сандалики, расплылись в детских глазах огромными пятнами.

Фло довела себя до жуткого бешенства.

– Ты у меня отучишься убежать! – вопила она. – Отучишься своевольничать! погоди, вот вернется отец – он тебе задаст!

Марджи, не отрываясь, смотрела на растоптанное мороженое. Рывком за руку Фло заставила ее поднять глаза и в порыве гневного любопытства крикнула:

– Ты почему не плачешь?

Девочка пришла в замешательство: мама часто давала ей пощечины, когда она плакала, а теперь сердилась, что она не плачет. Не понимая, в чем дело, Марджи сдерживала слезы, проявляя то же упорство, которое проявила, отказавшись назвать чужим женщинам свое имя.

– Упрямец! – воскликнула Фло, точь-в-точь как та толстуха. – Вся в отца! Но я из тебя дурь выблю, чего бы мне это ни стоило! – И она ударила Марджи еще раз.

Глаза ребенка обожгла боль. Однако они остались сухими.

Когда трамвай, прихрамывая, переехал пересечение Грэм-авеню с Тен-Эйк-стрит, Хенни Шэннон сложил газету «Бруклин игл» и сунул ее в задний карман брюк, подобрав заодно оставленный кем-то «Джорнал» (там печатали комиксы, которые после ужина можно было показать Марджи). Он прошел к передней двери, чтобы сообщить водителю о своем намерении сойти на следующей улице, но тот, вместо того чтобы сбавить скорость, поехал быстрее: Моджер-стрит, где жил Хенни, располагалась в квартале от Грэнд-стрит, а там много народу делало пересадку. Предвидя долгую остановку на крупном узле, водитель заранее бессильно злился. Высаживая одного-единственного человека на предшествующем перекрестке, он терял еще больше времени. «Какого черта?! – подумал он. – Трудно, что ли, проехать лишний квартал и вернуться пешком?»

Хенни постучал пальцем по плечу водителя:

– На Моджер-стрит мне выходить. Тормози.

Тот, даже не обернувшись, рявкнул:

– А я что делаю?

Трамвай резко остановился. Прежде чем размашисто шагнуть на тротуар, Хенни на секунду задержался. Ему было что сказать.

– Я, приятель, рабочий человек, – заявил он.

Это прозвучало не как новость, а как напоминание. Хенни имел в виду следующее: «Послушай! Целый день меня шпыняют мастер, управляющий и большой босс. В уборную не ускользнешь, чтобы покурить без надсмотрщиков. Тебя, брат, шпыняет твое начальство. Так зачем же нам шпынять еще и друг друга?»

– Я тоже рабочий человек, приятель, – ответил шофер.

Этими скупыми словами он сказал: «Я все понимаю, друг. Я сам каждый день прохожу через то, через что проходишь и ты». Мужчины расстались умиротворенно. Обменявшись короткими фразами, они достигли взаимопонимания.

Хенни поплелся по Моджер-стрит в сторону дома. На фабрике выдался тяжелый день, а возвращался он не к уютному очагу, любящей жене и веселому беззаботному ребенку. В лучшем случае его ожидало враждебное молчание, в худшем – бесконечные ворчливые и плаксивые жалобы на то да се.

У обочины играли ребяташки. Хенни остановился, чтобы понаблюдать за ними. Один из мальчиков поставил на камень тупой колышек и резко ударил по нему укороченным черенком метлы, а когда он взлетел в воздух, новым энергичным ударом отправил его по неровной дуге другому игроку, который широко расставил ноги, приготовившись принять подачу.

Хенни вспомнил, как сам играл в эту игру. Рука невольно сжалась. Он словно бы перенесся на двадцать лет назад – до того явственно ладонь ощутила битую, а сердце – радостное волнение того момента, когда палка касается колышка, на миллионную долю секунды повисшего в воздухе. Хенни позавидовал мальчикам: они могли испытывать то, что он навсегда потерял – мгновения безудержного счастья.

Ребята называли друг друга уличными прозвищами. У Хенни в детстве тоже было прозвище – Шэннон-речка, или просто Речка. Когда его так звали, он делал вид, что сердится, но на самом деле ему нравилось. Он вспомнил ирландскую песню, которой был обязан своим дворовым именем:

Где струится Шэннон-речка
Среди клеверных полей,
Там живет мое сердечко...

Хенни подошел к мальчишкам поближе. Сам он, конечно, не выразит желания поиграть с ними. Но вдруг они попросят: «Мистер, а покажите нам, как это делается». Каким приемчиком он бы их тогда научил!.. Однако мальчишки даже не обратили на него внимания. Хенни почувствовал прилив горечи, а потом ему захотелось проявить авторитет.

– Незачем вам, ребята, баловаться этой игрой, – сказал он, повысив голос. – Опасная она. Многим пацанам колышком глаза повыбивало.

Мальчишки остановились и первые несколько секунд молча на него таращились. Наконец один из них сказал:

– Шли бы вы отсюда, мистер!

– Делать, что ли, нечего? – подхватил другой.

Самый маленький зажал нос и сделал вид, будто дергает за цепочку сливного бочка. Мальчишка с битой приблизил лицо почти вплотную к лицу Хенни.

– Мистер, – сказал он с притворной вежливостью, – почему бы вам не пойти к черту?

Хенни поднял руку, чтобы его ударить, но тот даже не поморщился. Только еще сильнее подался вперед.

– Стукните меня! Давайте! – произнес он тихим, твердым, угрожающим тоном. – Только попробуйте врезать мне!

Костяшки руки, сжимающей битую, побелели. А ведь мальчику было лет двенадцать-тринадцать, не больше. Хенни, испуганный и пристыженный, сделал шаг назад. «Что это на меня нашло? – подумалось ему. – Где это видано, чтобы тридцатилетний мужчина задирал на улице детей!» Он развернулся и пошел прочь.

– Мистер, мы просто хотим, чтобы нас не трогали! – крикнул парнишка ему вслед.

Это было своеобразное извинение, произнесенное уже не тихим, твердым, угрожающим тоном, а обычным мальчишеским голосом, в котором звучали слезы.

«Мы просто хотим, чтобы нас не трогали!» – многие могли бы это повторить. «Оставьте меня в покое!» – каждый день говорил и слышал Хенни. Люди вовсе не шутя обращались ко всем вокруг с таким призывом и при этом сами продолжали всех вокруг донимать. «Я уйду, – говорил пьяница, цепляясь за жалкую соломинку чувства собственного достоинства, если его выгоняли из салуна. – Только не трожь меня! Не трожь!»

«И все равно мы шпыняем друг друга хуже, чем копы и боссы, – подумал Хенни. – Вместо того чтобы объединиться против тех, кто докучает нам по-крупному, постоянно докучаем всем, кому можем, по мелочи. Эх, все в этом мире наперекосья!»

Услышав на лестнице шаги Хенни, Фло вздрогнула: он дома, а ужин не готов. Целый день ушел не пойми на что. Она вообще-то собиралась купить мясо, но обо всем забыла, когда Марджи потерялась.

Нервно шмякнув сковороду на газовую плитку, Фло зажгла огонь и посмотрела на дочь, которая сидела в углу, держа в маленьких ручонках какой-то секретик.

– Все из-за тебя! – сказала мать ребенку. Девочка подняла удивленно округленные глаза. – Сейчас вот отец придет, получишь от него! – Марджи озадаченно заморгала, и Фло разозлилась еще сильнее. – Не смотри на меня так, будто не знаешь, чего ты сегодня натворила! Все ты знаешь распрекрасно!

Когда мать отвернулась, девочка разжала кулачок и посмотрела на бутон, который тайком сорвала с герани, растущей на подоконнике. Рвать цветы запрещалось. Мама грозилась выпороть, если...

Так вот в чем дело! Вот что мама имела в виду! Надо было скорее спрятать цветочек.

Марджи низко нагнула голову и принялась обрывать туго скрученные лепестки. Ей хотелось узнать, что прячется внутри. Боясь, как бы мама не отобрала бутон прежде, чем она доберется до таинственной сердцевины, Марджи разорвала его на две части.

Внутри не оказалось ничего. Совершенно ничего. Мрачная тень разочарования заставила девочку снова почувствовать себя несчастной. Снова она услышала грохот копыт и увидела лошадей, несущихся прямо на нее.

– Я потеялась! – внезапно выкрикнула Марджи как раз в тот момент, когда на кухню вошел отец.

– Что? – спросил он, вопросительно глядя на жену.

– Ничего, – ответила Фло, торопливо нарезаая и сбрасывая на шкворчащую сковородку холодный вареный картофель.

Она собиралась рассказать Хенни о случившемся, но позже и по-своему. Так, чтобы выглядеть в его глазах пострадавшей стороной. Прямолинейное заявление ребенка было для этого совсем неподходящим началом.

– Ничего, – повторила Фло. – Вечно Марджи выдумывает.

Пока Хенни вешал на гвоздь за дверь куртку и шляпу, девочка подбежала к нему, обняла его за ногу и прошептала:

– Потеяла на весь день.

– Я не понял... Она что-то потеряла?

– Нет, – ответила Фло и разбила в сковородку два яйца.

– Лошади большие, они меня задавят, – объяснила Марджи и задрожала, уткнувшись лицом в отцовское бедро.

– Не раздавят, мы не пустим сюда никаких лошадей, – заверил он ее, неловко погладив по спинке, и спросил у жены: – О чем это она?

– Понятия не имею, – сказала Фло, бросая в пузырящееся масло колечки сырого лука.

Хенни сел за стол. Марджи забралась к нему на коленки. Как это часто бывает с детьми, у нее резко переменялось настроение.

– Почитай мне смешное, – потребовала она.

Отец раскрыл «Джорнал» на странице с комиксами и начал объяснять картинки:

– Вот Бастер Браун⁵ разговаривает со своей собакой по имени Тайдж.

⁵ Бастер Браун – озорной мальчишка из состоятельной семьи; персонаж, созданный в 1902 году американским художником

- А почему его зовут Бастер Браун?
- Потому что на нем костюмчик Бастера Брауна.
- А почему это костюмчик Бастера Брауна?
- Потому что у него воротничок Бастера Брауна.
- Почему это воротничок Бастера Брауна?
- Потому что его носит мальчик, которого зовут Бастер Браун, – заключил отец.

Получилось как с бутоном герани: поначалу объяснения выглядели многообещающе, однако ожидания не оправдались.

– Почему, почему, почему? – взорвалась Фло, раздраженная монотонностью детских вопросов. – Вечно ты почему-то!

– Она так учится, – сказал Хенни.

– Перестань болтать и ешь, – отрезала жена, ставя перед ним тарелку.

Марджи соскользнула на пол, а Хенни, взяв нож и вилку, воззрился на свой ужин: два жареных яйца, жареная картошка, жареный лук. Он открыл было рот, чтобы выразить протест, но в следующую секунду решил промолчать. По опыту многих вечеров он уже знал, как пройдет этот разговор:

– Яичница? Опять?

– А чем яичница тебе не угодила?

– Да ничем, просто каждый вечер одно и то же...

– Вчера было мясо.

– Может, в магазине продается что-нибудь кроме яиц и фарша?

– Яйца и фарш дешевые. Я бы приготовила что-нибудь поинтересней, если бы ты давал мне больше денег.

– Что значит «я давал бы»? Ты хочешь сказать, если бы мне больше платили?

– Давно пора поговорить с мастером.

– Чтобы он меня уволил?

– Другие просят себе прибавку.

– Попросить не значит получить.

– Был бы ты понастойчивее...

– Послушай! Я целый день вкалываю. Вечером, когда я прихожу домой, мне хотелось бы...

– А как насчет того, чего хотелось бы мне? Я тут тоже целый день вкалываю как рабыня, а потом являешься ты и предлагаешь сидеть и пялиться в стенку!

Хенни вздохнул. Нет, он не спросит, почему на ужин снова яичница. Незачем начинать все это сначала.

Протянув руку за бутылкой с кетчупом, он обильно полил свою еду густой острой красной жижей. Потом достал и подпер сахарницей сложенный номер «Игл».

– А сами-то вы уже поужинали?

– Давно, – сказала жена.

– Меня подождать не могли, – констатировал Хенни тихо и горько.

– А чего тебя ждать? Есть с тобой все равно что есть с истуканом. С истуканом, который читает газету.

Он виновато отодвинул «Игл» и сосредоточился на яичнице. Слово «истукан» открыло дверцу в памяти Марджи.

– Гляди! – крикнула она пронзительно. – Гляди, как я умею!

Она повторила утренний номер: принялась вертеться, а когда закружилась голова, нетвердо остановилась на одной ножке, подняв руку и высунув язык.

– Что это с ней? – спросил Хенни.

Поставив перед ним чашку горького черного кофе, Фло резко сказала ребенку:

– Ну-ка, брось эти глупости, а то получишь от отца.

Девочка вышла из позы.

– Чуть не забыл, – спохватился Хенни.

Встав из-за стола, он порывлся в кармане куртки и извлек оттуда розовый леденец, завернутый в папиросную бумагу.

– Это еще что такое? – спросила жена.

– Всего пенни, – пояснил он, косвенно извиняясь. – Взял на сдачу.

– Испортишь ребенка, – проворчала Фло, хотя в глубине души была тронута желанием мужа порадовать дочку.

А дочка наконец-то все поняла! Весь день мама твердила ей, что она что-то «получит», когда вернется отец. Марджи думала, это «что-то» – трепка, а имелся-то в виду леденец!.. Девочка взяла конфету и разорвала обертку.

– Что сказать надо? – напомнила Фло.

– Та-та! – радостно воскликнула девочка.

Запах розового леденца напомнил ей аромат, исходивший от дамы, которая привела ее к дому.

– Такая хорошая леди! – сказала она, глядя на конфетку.

Фло поправила:

– Не леди, а леденец.

– Хорошая леди, – проворковала Марджи, поднеся конфету к щеке.

– О чем это она? – спросил Хенни.

– Ни о чем! – ответила Фло и приказным тоном обратилась к ребенку: – Перестань играть с леденцом, ешь его!

– Нет, – сказала Марджи механически.

– Ешь!

– Нет!

– Я кому говорю?!

Марджи испугалась. Что происходит? Леденец явно грозил навлечь на нее неприятности. Разжав руку, девочка позволила ему упасть на пол. Он раскололся на три части, но, вопреки ее ожиданиям, не брызнул разноцветными каплями, как мороженое.

– Сейчас же подбери! – скомандовала Фло.

Марджи спрятала руки за спину.

– Ну ладно, – сказала мать. – Я предупреждала тебя, что ты сегодня получишь, ты меня не послушала. – Фло повернулась к Хенни: – Знаешь, чего она натворила?

Он вздохнул.

– Чего?

– Она убежала!

Марджи испугалась уже не на шутку. Попятившись в угол, она устремила взгляд на отца, однако тот, не спеша отхлебнув кофе, сказал:

– Так надо было лучше за ней смотреть.

– Смотреть? Да я глаз с нее не спускала!

– Как же она умудрилась улизнуть?

– Она все рассчитала! Я только на секунду отвернулась, а ее уже и след простыл!

– Все дети хоть раз в жизни теряются. Всем иногда хочется убежать.

– Мне никогда не хотелось, – заявила Фло. – Я думала о матери и не огорчала ее.

– Вот только не начинай про свою мать!

– Это почему же? Я тебе вот что скажу: если есть на небе святые, то моя мама среди них.

– Ладно, – сказал Хенни, – ладно!

Он взял газету, снова раскрыл ее на первой странице и аккуратно свернул. Каждый вечер Хенни надеялся избежать ссоры, и каждый вечер напрасно. Он старался не говорить ничего такого, что могло распалить Фло, но без толку. Без толку! В этой женщине сидел какой-то бес, которому непременно нужно было постоянно кого-нибудь поддевать, осаживать, затыкать за пояс. По-своему, как бы ощупью, разобрав положение дел, Хенни давно пришел к выводу, что для Фло ссоры заменили любовные утехы. Поэтому ему оставалось лишь удовлетворять эту ее потребность.

– Ладно, – повторил он. – Теперь ты послушай меня: если твоя мать и сделала в жизни что-то толковое, то это когда она легла и померла.

Фло беззвучно раскрыла рот, как будто на нее вылили ведро ледяной воды. Глубоко уязвленная, она попыталась защититься, приняв горделивый вид.

– Если бы не моя мать, меня бы сейчас здесь не стояло!

– А я был бы счастливым человеком.

– Вот оно как? – усмехнулась Фло.

– Еще бы! Мне не пришлось бы всю жизнь маяться за то, что твой папаша спал с твоей мамашей.

– Ах ты грязный... – Фло затряслась. – Да моя мать, святая женщина, никогда...

– Ага. Она нашла тебя в капусте.

– Здесь ребенок! – Фло предостерегающе указала на Марджи, забившуюся в угол.

– Все равно ей придется узнать, – пробормотал Хенни, но ему стало стыдно за свои слова.

– Мало того, что она на улице слушает всякие гадости, так еще и в родном доме должна?

– Вот это ты называешь домом?

– А я виновата? Я пытаюсь создать уют, целыми днями стираю себе пальцы...

– ...до костей.

– А все вечера сижу и пялюсь...

– ...в стенку, – процитировал Хенни устало.

Муж и жена заговорили быстрее и еще более разгоряченно, прерывая друг друга. Кажется, они разыгрывали надоевшую пьесу, где каждый актер так затвердил текст, что запросто сыграет роль партнера.

Вскоре их слова вообще утратили всякий смысл. Значение имела только ярость, заключенная в тоне. Марджи дрожала от страха. Ей хотелось выбежать из своего угла и где-нибудь спрятаться, но она боялась привлечь к себе внимание.

Наконец вмешались соседи, которые поначалу слушали с интересом, но потом заскучали – этот диалог им уже приелся. Те, кто жил сверху, затопали ногами, требуя тишины. Те, кто жил снизу, забарабанили в потолок черенком метлы. Через двор донеслись крики жильцов дома на Грэнд-стрит:

– Заткнитесь!

– Захлопните окна, а лучше пасти!

Мальчишка, запускавший голубей с соседней крыши, лег на живот и свесил голову. Вдохновленный тесным общением с птицами, он прокричал Шэннонам:

– Снесите яйцо!

Высунувшись из окна, Хенни ответил на все претензии разом:

– Пошли к черту! Идите к черту вы все!

В его вопле были слышны слезы. Он закрыл окно. Приглушенное бормотание теплого летнего вечера перестало проникать в квартиру. Фло даже не подумала зажечь газ, хотя уже почти стемнело. Через какое-то время она поднялась, чтобы поставить в раковину посуду мужа. Оба пристыженно ощущали тяжелое послевкусие ссоры. Наконец Хенни с тихим отчаянием в голосе произнес:

– Что с нами стало, Фло?

«Это не моя вина», – хотела сказать она, но только закусила нижнюю губу. Ссора истощила ее силы, продолжать не хотелось.

Хенни заговорил опять, словно объясняя что-то самому себе:

– Я вырос на задворках Скоулз-стрит. Старики мои были люди деревенские и к городской жизни приспособились плохо. Их все шпыняли, а они шпыняли меня. Когда на Мур-стрит закрывались магазины, я околачивался возле тележек тамошних торговцев. Другие пацаны разбрасывали товар с этих тележек, потому что их хозяева были евреи. А я вечерами помогал их разгружать. Со мной расплачивались фруктами и овощами, которые грозили не дотянуть до утра. Моим родителям и это было в подмогу. Родители! Мать тянула себе жилы как могла, а отец, упокой Господь его душу... – в голосе Хенни послышалась напряженность горечи, – что с него возьмешь? Я не держу зла на покойника. Так вот. Рос я, значит, на Скоулз-стрит, в глубине квартала. Старшие мальчишки меня колотили, а когда я приходил домой зареванный, меня лупил еще и отец – за то, что я позволял себя бить. «Это тебя закалит», – говорил он. А я не хотел закаляться. Не было во мне твердости. В башке у меня водились разные идеи, как и у всех ребят. Я даже воображал себя президентом. В школе нам дурили головы: говорили, будто каждый американский мальчик может стать президентом. И я верил в эти рассказы. Правда, когда я перестал носить короткие штанишки, эта дурь из меня уже повыветрилась. Зато появилась другая: выучиться на копа, или на пожарника, или на машиниста паровоза. Свободная страна, все пути открыты! По крайности, идей – бери не хочу. Ну а всамделишных шансов, оказалось, и нету никаких. В тринадцать лет меня пнули под зад. «Ищи работу, – сказал отец. – Все равно какую. Лишь бы приносил домой хоть несколько долларов в неделю». С тех пор я и вкальваю. Не там, где хочу, а там, куда берут. Увяз я! Увяз! И не выбраться мне до самой смерти. Но я не всегда был таким. Когда мы с тобой стали встречаться, Фло, ты казалась мне самой красивой девушкой в Уильямсберге. Мы арендовали мебель у Фемеля. К свадьбе ты связала крючком покрывало. «У нас все должно быть самое лучшее», – сказала ты. А я тебе говорю: «Покамест самое лучшее, что я могу себе позволить, – это квартира на Моджер-стрит». А ты мне: «Ну это ж ненадолго, Хенни. Потом мы съедем отсюда. Я буду помогать тебе. Нужно только подождать. Прежде чем научишься ходить, надо поползти», – так ты сказала. Шесть лет назад это было! За мебель мы так и не расплатились. Покрывало все эти годы провалялось в ломбарде. «Это временно», – говорила ты. «Это временно», – мы все так говорим, пока молодые. А потом просыпаемся однажды и понимаем, что «временное» не закончится, черт возьми, никогда! И все-таки идеи у меня были. Я считал тебя самой красивой девушкой в Уильямсберге.

Хенни и Фло долго молчали. Он погрузился в раздумья. Она сидела на расстоянии вытянутой руки от него, и ее пальцы подрагивали от невольного желания любовно погладить его щеку. Ей вспомнилось, как в тот вечер, когда они впервые танцевали друг с другом, он робко сказал ей: «Я бы хотел, чтобы ты была моей девушкой». Это воспоминание отчасти воскресило прежнюю нежность. На мгновение, словно бы при свете молнии, Фло поняла своего мужа. Поняла, о чем он мечтал. Поняла, что приспособиться к суровой жизни ему мешает глубокая порядочность.

Фло знала: в ее женской власти вернуть Хенни его надежды и мечты. Нужно только сказать: «Ничего, Хенни, не переживай. Я люблю тебя. Мы по-прежнему вместе. А *это* пройдет. Когда-нибудь все наладится. Подожди, и увидишь».

Она могла так сказать. Ему сейчас ничего другого не было нужно – только услышать эти слова. Внезапно он стал бы счастливым человеком, обнял бы ее...

Запаниковав, Фло убила в себе теплое побуждение. Она знала, к чему приведет любое проявление нежности: еще девять кошмарных месяцев, новые швы, новый рот, который нужно будет кормить.

В полутьме ее глаза отыскивали ребенка. Сидя под висящими на стене корытами, Марджи играла с двумя обувными коробками и несколькими бельевыми прищепками: сначала складывала прищепки в одну коробку, потом перекладывала в другую.

«Надо бы раздобыть ей куклу, – подумала Фло. – У каждой девочки должна быть кукла. Правда, у меня не было. Я всегда говорила, что если у меня будет дочка, то я уж позабочусь о том, чтобы у нее была кукла. Надо раздобыть».

Муж словно угадал ее мысли.

– Мы всегда говорили, что, если у нас будут дети, пусть ихняя жизнь будет лучше нашей. А что же мы делаем? Шпыняем своего ребенка так же, как шпыняли нас. Мы ничему не научились – вот в чем наша беда. Те шишки, которые мы набиваем, не делают нас умней. – Хенни встал и принялся мерить маленькую кухню шагами. – Разве я просил о том, чтобы родиться на свет? Или чтобы стать миллионером? Нет. Я хотел только, чтобы мне дали честный шанс. Сначала я старался быть хорошим парнем, потом – мало-мальски приличным мужем. Но есть ли у меня шанс? Будет ли он когда-нибудь у наших детей?

– Вопросы. Опять одни вопросы. А ответы у кого? И где он их прячет?

Хенни надел куртку и шляпу.

– Ну и куда собрался?

– Вниз по улице до угла.

– В салуне ты ответов не найдешь.

– Знаю. Зато найду хотя бы других ребят с теми же вопросами.

Уходя, он мягко прикрыл за собой дверь. Фло, сидя в темноте, подумала: «Не надо позволять ему пускаться в такие разговоры. От них я вспоминаю правду про мать, а правду я вспоминать не хочу. Я хочу думать о ней так, как я себе вообразила, – будто она святая. Если без конца вспоминать, какое безобразие творилось у нас дома, жить не сможешь. Лучше помнить не то, что было, а то, что должно было быть. Я всегда стараюсь не думать о старом – и правильно делаю».

– Марджи! – позвала Фло. Девочка подняла голову. Ее белое личико и светлые волосы замаячили бледным пятном среди теней. – Иди ко мне.

Малышка отвернулась.

– Идем, детка. Скоро я включу свет и покажу тебе смешные картинки. Ну иди же к маме!

Марджи подошла, Фло посадила ее к себе на колени.

– Послушай, маленькая. Сегодня, когда ты сначала потерялась, а потом нашлась, я не хотела сделать тебе больно. Ты это в голову не бери. Просто некоторые мамы так иногда себя ведут. Ты, главное, запомни: ты всегда будешь моей маленькой девочкой.

Каким-то образом сообщив, что сейчас можно плакать и ее за это не накажут, Марджи разревелась.

– Я потялась на весь день, – прошептала она, крепко обхватив обеими руками шею матери.

Фло обняла дочку и прижалась лицом к ее влажной щеке. Теперь они обе лили слезы – дети, которые плакали, потому что темно и потому что они потерялись.

Глава 3

Подрастая, Марджи училась принимать вещи такими, какие они есть. Училась извлекать из них возможную пользу. Она благодарила случай за маленькие уступки и считала себя счастливой, если ее ожидания оправдывались. Конечно, бывали и моменты горечи, и моменты бунта. Иногда ей думалось, что она заслуживает большего, что родители могли бы лучше понимать ее и, когда она совершает какой-то проступок, не обходиться с нею так, будто она сделала это нарочно, ведь вообще-то она не плохая, а если и злит чем-то маму, то только по глупости и по легкомыслию.

В минуты раздумий она горевала из-за вечных ссор между матерью и отцом. Но чаще всего ей казалось, что вся жизнь такова, как жизнь ее родителей. Все люди сосуществуют друг с другом так же.

Бедность не отпускала Марджи никогда, однако мертвую хватку настоящей нужды она ощущала редко. Привыкнув терпеть нервную обстановку и строгую дисциплину в семье, девочка восполняла нехватку свободы в школьных стенах, где ей дышалось привольнее, чем дома.

В семнадцать лет, имея за плечами два класса старшей школы, она чувствовала себя готовой попробовать мир на вкус. Ее переполнял оптимизм, свойственный молодым людям, которым жизнь кажется бесконечной и сияющей, молодым людям, которые считают себя кузнецами своих славных судеб и не хотят слушать избитых истин старшего поколения, уже успевшего попробовать жизнь на вкус и вынесшего из неравного боя согбенные окровавленные души.

Когда Марджи собралась устраиваться на свою первую работу, отец произнес небольшую речь. Опираясь на собственный опыт, он объяснил дочери, что два самых трудных дела в жизни – это поиск квартиры и поиск места, которое позволит за эту квартиру платить. Ничто так не сокрушает человека, как выселение по причине неожиданного или неоправданно сильного повышения квартирной платы. Тогда приходится скитаться по улицам в поисках нового жилья, которое тебе по карману. Вот, положим, ты его нашел, а хозяин не хочет тебя пускать: твоя работа, дескать, недостаточно надежна. Или ты совершил экономическое преступление – завел детей. «И ведь хозяина тоже понять можно, – признал Хенни справедливости ради. – Дети и правда все ломают».

С поиском работы так же. Если ты еще нигде не работал, то на тебе ярлык «неопытного», и мало кто из боссов захочет с тобой связываться. Если же ты работал, то тебе зададут трудный вопрос: «Почему вы ушли с прежнего места?» На уволенных работников без хороших рекомендаций смотрят кисло, ну а те, кто ушел по собственному желанию, считаются смутьянами или привередами. Кому нужен на заводе работяга, которому не угодишь?

Потому-то Хенни и держался так крепко за свое ненавистное место. Он знал: у него мало шансов найти что-то получше. Марджи тоже не должна была думать, будто поиск работы – это плевое дело.

Дочь слушала, но ни единому слову не верила. В последнюю пятницу июня она формально завершила свое образование, и ей не терпелось на следующий же день начать работать. Родители уговаривали ее немного подождать: мол, еще наработается, нечего спешить с переходом от школьных будней к трудовым. Марджи послушалась и спешить не стала. Начала искать работу только в понедельник – через три дня.

Она вышла из дома, вооружившись аккуратно вырезанной из воскресной газеты колонкой «Требуется помощница» и двумя письмами – от директора старшей школы, который удостоверял, что она умна и прилежна, а еще от приходского священника, который удостоверял, что она умна и благонравна. Письмо священника было важнее директорского, поскольку дока-

звало нееврейское происхождение предьявительницы, тем самым избавляя ее от нужды преодолеть барьер нетерпимости.

Начать Марджи решила с манхэттенских объявлений. Ей казалось, что работать в центре Нью-Йорка – это шикарно. Она мечтала о новом мире, о ежедневных поездках через Уильямсбургский мост над Ист-Ривер, о котором она читала в учебнике истории⁶.

Была у Марджи и еще одна глупая сентиментальная мечта – в субботу, получив жалование в фешенебельной нью-йоркской конторе, купить коробку конфет в знаменитом магазине сладостей «Лофт» и привезти маме. Она пришла бы в восторг и каждую неделю стала бы ждать угощения. Изредка Марджи покупала бы тонкие имбирные пряники – удивительно вкусные штуки!

Эти теплые мечты очень скоро смыл ледяной душ реальности. Те две вакансии, с которых Марджи начала поиск, были заняты за несколько часов до ее приезда. Начальник второй конторы объяснил: только что прошли выпускные экзамены в сотнях нью-йоркских школ, и теперь тысячи юношей и девушек жаждут получить работу – любую работу. Он, начальник, потому взял на себя труд растолковать это Марджи, что у него самого дочь на днях окончила Бруклинскую женскую старшую школу, и он понимает, каково сейчас молодежи.

В третьем объявлении значилось: «Требуется секретарь». Контора оказалась совсем маленькая: сурового вида женщина, стол, стул и пишущая машинка. Женщина спросила, готова ли Марджи прямо сейчас напечатать на машинке диктант. Увидев ее замешательство, дама жестом предложила ей сесть и пообещала диктовать очень медленно. Марджи, разумеется, печатать не умела, но решила попробовать. Выглядело все просто: давай жми на клавиши с буквами. Женщина, закурив, протянула ей листок бумаги и стала ждать, когда она приготовится. К своему немалому смущению, Марджи не смогла даже вставить лист в машинку – пробовала и так, и сяк, однако не совладала с хитрым механизмом. Женщина сначала наблюдала за ней полунасмешливо-полусочувственно, а потом сказала утомленным голосом:

– Блефовать, сестренка, ты не боишься. Я люблю девушек, которые не боятся блефовать, но эта работа тебе не по зубам. Просто не по зубам. Я ищу кого-то, на кого смогу положиться, и с виду ты как раз такая – туповатая и честная. Но требованиям не соответствуешь. Позволь, сестра, дать тебе совет: забудь о том, чтобы самой зарабатывать себе на жизнь. Зааркань какого-нибудь парня, который на тебе женится и будет тебя содержать. Роди парочку детей и забудь о деловом мире. Ну а теперь, – заключила женщина скучающе и устало, – проваливай.

Марджи, пятаясь, вышла. В каком-то смысле она даже обрадовалась, что не получила эту работу. Хотя ей было бы любопытно посмотреть, чем же именно контора занимается. На столе возле машинки лежал наполовину исписанный листок. Заголовок гласил: «Работа с почтой. Ежедневное вознаграждение», а сам текст начинался так: «Зачем бросать деньги на ветер? Вдова известного жокея, имея хорошие связи...» Больше ничего Марджи прочитать не успела.

Из пятидесяти центов, которые дала ей мама, осталось только пять, а времени было три часа пополудни. Ехать еще куда-нибудь смысла не имело: все сразу поймут, что она неудачница – потратила на безуспешный поиск работы первую половину дня. Иначе стала бы она ходить по объявлениям до вечера?

Когда Марджи пришла домой и отчиталась о своем путешествии, Фло разразилась многочисленными «Я же тебе говорила...»:

– Я же говорила тебе не ездить в Нью-Йорк! Я же говорила, что в Бруклине у тебя шансов больше! Я говорила, что глупо устраиваться на работу так далеко от дома! Я говорила тебе, что на Манхэттене ты не найдешь и не увидишь ничего такого, чего в Бруклине нет! Ты меня послушала?.. Теперь-то ты видишь, что мать была права!

⁶ Ночная переправа войска Джорджа Вашингтона через пролив Ист-Ривер с территории нынешнего Бруклина на Манхэттен, состоявшаяся 28 августа 1776 года, – один из важных эпизодов Войны за независимость США.

Фло была из тех бруклинцев, которые унаследовали воинственную преданность месту своего обитания от родителей – патриотов, однажды едва не развязавших гражданскую войну ради защиты малой родины. Они всерьез подумывали о пушках и земляных валах, когда алчный Нью-Йорк поглотил Бруклин, низведя этот славный самостоятельный американский город до ранга «района».

Марджи уже не питала ненависти к Манхэттену, но, как и мать, считала его отдельным городом. Ей он представлялся далеким, незнакомым и роскошным. Конечно, она хотела бы получить там работу и предприняла такую попытку, но потерпела неудачу. Поэтому теперь ее мысли с теплотой обратились к Бруклину. Поспешно развив в себе патриотизм, она пришла к выводу, что для человека прямого и честного это самое подходящее место. На следующий день Марджи продолжила поиск работы, положив в сумочку вырезанное из бруклинской газеты «Стэндард Юнион» объявление, согласно которому фирме «Томсон-Джонсон», продающей товары по почте, требовался сотрудник для работы с корреспонденцией – не обязательно опытный, но готовый учиться.

Склады и конторы этого почтового магазина располагались в деловой части Бруклина. Как выяснилось впоследствии, предприятие было маленькое и обслуживало главным образом мелких фермеров Лонг-Айленда и Нью-Джерси.

На трамвае можно было доехать почти до самого места, однако Марджи специально вышла пораньше, чтобы пройти по Фултон-стрит и поглазеть на витрины больших универсальных магазинов. Шагая так медленно, как только может себе позволить человек, ищущий работу, она полюбовалась нарядами, выставленными за огромными зеркальными стеклами, а перед витриной «Эйбрехем энд Строс» даже остановилась довольно надолго, чтобы восхищаться шляпкой в стиле императрицы Евгении⁷, после чего свернула в переулок, ведущий к «Томсону-Джонсону».

Проходя мимо крошечного магазинчика, демонстрировавшего большую часть своего товара на узком тротуаре, Марджи заметила вывеску «Требуется девушка» и на секунду забыла о том, куда шла. Она подумала, как замечательно было бы стать цветочницей: проводить дни в окружении прекрасных растений, обслуживать галантных покупателей («Полагаюсь на ваш вкус», – говорили бы они ей), заворачивать изысканно собранные букеты в мягкую блестящую зеленую бумагу. Неподвижно глядя на объявление, Марджи размечталась: может, по субботам хозяин будет отдавать ей распустившиеся розы, которые вряд ли достоят до понедельника? До чего же здорово – в конце каждой рабочей недели приносить маме букет! Почти так же хорошо, как конфеты «Лофт».

Марджи вошла в магазинчик размером не больше обычной ванной комнаты. Весь пол был заставлен срезанными цветами в зеленых ведерках. Только узкий проход вел к холодильнику, перед которым стоял столик с кассовым аппаратом, рулоном тонкой зеленой вошеной бумаги и горой распустившихся роз на длинных стеблях. За столиком работал сухопарый молодой брюнет. Он обрывал наружные лепестки, оставляя только сердцевину, и ставил цветы в ведро с надписью: «Розовые бутоны, 50 ц. за дюжину». Заметив Марджи, мужчина закончил ошипывать очередную розу и вытер руки о черный фартук.

– Чего желаете? – спросил он, приняв вошедшую за покупательницу.
– Я проходила мимо... – начала она.
– Есть чудесные гладиолусы, непременно раскроются.
– Нет, я не собираюсь ничего покупать. Просто мне попало на глаза ваше объявление «Требуется девушка», а я как раз ищу работу...

⁷ Французская императрица Евгения (1826–1920), жена Наполеона III, ввела моду на маленькие женские шляпы, часто с перьями, надвигаемые на лицо.

С секунду цветочник внимательно изучал Марджи. Потом взял новую розу, оборвал ее и только после этого ответил:

– Место уже занято.

Ему действительно нужна была помощница, а Марджи на самом-то деле откликнулась на объявление первой. Но и за секунду он успел понять, что она не подходит. Она казалась умной и честной, однако он искал девушку другого типа. У него, видите ли, была жена, которая очень охотно делила с ним стол, но по какой-то не вполне понятной ему причине насмешливо отказывалась делить постель. Поэтому цветочник чувствовал себя одиноким и смотрел на жизнь уныло. Конечно, он не рассчитывал за десять долларов в неделю приобрести любовницу. Но ему хотелось, чтобы, когда он превращает увядающие цветы в свежие, рядом с ним за прилавком стояла фигуристая надушенная дамочка. В узком проходе они иногда задевали бы друг друга локтями. Словом, ему хотелось наполнить крошечную комнатку ощутимой аурой податливой трепетной женственности. Он предпочел бы видеть возле себя кудрявое существо в платье с бантиками и смотреть, как это создание, неторопливо покачивая бедрами, переставляет ножки в туфельках на высоких каблуках и с розетками на носочках. Та девушка, которая стояла сейчас перед ним – просто одетая, аккуратно причесанная, – явно ему не подходила.

Не в силах мгновенно расстаться со своей мечтой, Марджи попробовала возразить:

– Табличка все еще висит...

– Не успел снять, – соврал цветочник.

– Понимаю... Все равно спасибо.

– Не за что, – сказал он любезно, радуясь, что дело разрешилось так быстро и просто.

Марджи медленно вышла, с тоской поглядев на цветы в ведерках. Не ускоряя шага, она немного побродила по кварталу и вернулась: объявление висело на прежнем месте. Осмелев от необъяснимой злобы, она вошла опять.

– Чего желаете? – сказал было цветочник, но, подняв голову, узнал Марджи. – Я же вам объяснил: девушка мне больше не нужна.

– Тогда зачем вы дурачите людей? Почему не снимете табличку?

– Хотя бы потому, что мне так нравится. Не ваше дело.

– Хорошо, – отступила Марджи. – Хочу попросить вас об одном одолжении.

– О каком? – буркнул цветочник.

– Скажите, почему вы меня не взяли.

Этот вопрос явно удивил его. Марджи пояснила:

– Видите ли, мне нужна работа, и я была бы вам благодарна, если бы вы растолковали мне, что со мной не так. Я исправила бы это, и мне не пришлось бы искать место очень долго.

– Ну, для некоторых мест вы очень даже подходите, – сказал цветочник. – Для службы в конторе, например. Но на такой работе, как у меня, вы должны были бы обслуживать клиентов, а для этого надо соответствовать моде.

– То есть как?

– Вы недостаточно модно выглядите, вот и все.

– Понимаю. Что ж, спасибо.

– Пожалуйста.

«Я недостаточно модная, – подумала Марджи, подходя к конторе Томсона и Джонсона. – То есть недостаточно привлекательная. У меня нет стиля, нет изюминки. Все из-за того, как я одета. Если бы мама разрешала мне выбирать одежду самой, уж я бы следила за модой. Разве бы я купила этот уродливый синий костюм и эти туфли на „удобном“ каблуке? Ну ладно, вот найду я работу, начну каждую неделю приносить домой деньги, и тогда маме придется позволить мне одеваться по собственному вкусу».

Марджи опять замечталась, как мечтают полные надежд молодые люди. Она представила себя в коротеньком серовато-розовом креп-жоржетовом платье с очень низкой талией. Край

гофрированного подола колыхается при ходьбе, на плече большой пучок искусственных фиалок. К такому платью Марджи надела бы лаковые «лодочки» (лучше простые, без бантиков) и шляпку-колокол – фиолетовую, чтобы перекликалась с фиалками. Плюс туфли из черной лакированной кожи. И последний штрих – духи «Кельке Флер».

Вот так принарядившись, Марджи зашла бы в тот самый цветочный магазинчик и небрежно спросила бы:

– Вам, насколько я понимаю, нужна помощница? Я подойду?

– Да, да, – обрадовался бы цветочник. – Как раз такую девушку я и ищу.

– Хорошо. Тогда снимите табличку с витрины.

– Сию секунду!

– Теперь порвите, пожалуйста.

После того как цветочник разорвал бы картонку надвое, Марджи задумчиво постучала бы ножкой по полу, оглядела магазинчик и холодно произнесла:

– А знаете? Я передумала. Не хочу здесь работать.

– Сделайте одолжение, объясните хотя бы почему, – попросил бы цветочник смиренно.

– Ну, если желаете знать, ваша лавочка для меня простовата. Я предпочла бы место помоднее.

– Понимаю, – сказал бы он поникшим голосом. – Спасибо за откровенность.

– Пожалуйста, – ответила бы Марджи и, может быть, любезно прибавила бы: – Всегда рада.

Свободной уверенной походкой, цокая высокими каблуками «лодочек», она вышла бы из магазина. Аромат духов «Кельке Флер» мучительно навевал бы цветочнику ее образ, пока не растворился бы в запахах роз, лилий, гвоздик или другого сезонного товара, который был бы на тот момент в наличии.

Табличка на двери гласила: «Юридический отдел». Чуть ниже располагалась другая табличка: «Управляющий отделом корреспонденции», а еще ниже – третья: «Отдел найма». Имя значилось только одно: «Уэйн Прентисс». Контора была маленькая, поэтому мистер Прентисс олицетворял собой все три отдела.

На первый взгляд он показался Марджи вежливым и довольно симпатичным, но староватым. «Да ему, наверное, лет тридцать, не меньше», – предположила она.

После нескольких рутинных вопросов он выдал ей анкету для заполнения. Она молча уставилась на листок, не зная, что делать: у нее не было ручки! Поняв, в чем дело, мистер Прентисс достал из кармана собственное автоматическое перо и протянул его ей пишущим концом к себе, предварительно сняв колпачок. По этому жесту Марджи заключила, что он человек учтивый.

Вообще-то ей было удобнее наклонять буквы влево, но в школе ее приучили писать спенсеровским шрифтом. Она правильно взяла ручку, опустила запястье на стол и, как полагалось, сделала для разминки несколько круговых движений. Потом коснулась пером бумаги, и вместо буквы «М» из-под него сразу же вышла огромная клякса. В панике выронив ручку, Марджи прижала к пятну предложенный мистером Прентиссом продолговатый кусочек свежей белой промокашки. Оно стало еще больше. Марджи снова взяла перо, однако писать уже не смогла – так сильно дрожали пальцы. Мистер Прентисс, поднявшись из-за стола, встал между открытой дверью кабинета и стеной.

– Идите сюда, – приказал он.

Марджи, перестав трястись, похолодела. Вот оно – то, о чем ее предупреждала мать. «Мужчина всенепременно попытается воспользоваться девушкой, которая ищет работу», – говорила Фло. Для таких случаев Марджи были даны следующие инструкции: «Всегда стой перед дверью, чтобы сразу убежать, как только заметишь неладное. И никогда не переступай

порог комнаты, где есть диван. Скажи вежливо, что передумала или что придешь завтра – сочини любую отговорку. И удирай поскорее».

В кабинете мистера Прентисса дивана вроде бы не было, но вдруг Марджи просто не заметила? Не поворачивая головы, она принялась в отчаянии обшаривать взглядом все стены. Наверное, диван скрывался за дверью. Марджи попала в ловушку!

– Подойдите, пожалуйста, – повторил мистер Прентисс.

Она подошла. Мать приучила ее не только остерегаться мужчин, но и беспрекословно подчиняться приказам. Послушание возобладало над страхом.

Никакого дивана за дверью не оказалось. Там стояла только большая бутылка с холодной водой, а вид босса не выдавал никаких грязных намерений. Наполнив бумажный стакан, мистер Прентисс сказал Марджи:

– Выпейте медленно.

Она последовала его совету, он забрал стакан.

– Теперь станьте прямо и сделайте несколько глубоких вдохов.

Прерывистое дыхание Марджи его не удовлетворило.

– Дышите диафрагмой. Вот так, – он показал пример.

Она старательно повторила, и они вернулись к столу.

– Перестали нервничать? Теперь запомните: это рынок. Здесь вы продаете свои услуги, а мы покупаем, – с этими словами мистер Прентисс придвинул к Марджи чистый бланк и перо.

И снова она уставилась на листок в растерянности. Доброта босса не успокоила ее, а скорее наоборот. Зачем человеку его положения проявлять участие к соискательнице места, когда желающих получить работу так много? Она заподозрила, что за этим кроется какой-то тайный мотив.

Почувствовав замешательство Марджи, мистер Прентисс, как человек добродушный, попробовал ее ободрить:

– Все когда-то устраиваются на работу в первый раз. Всем однажды приходится с чего-то начинать. Я тоже в свое время вышел на улицу с дипломом юриста под мышкой – фигурально выражаясь, конечно, – и стал бродить в поисках места.

Мистер Прентисс улыбнулся, Марджи попыталась ответить тем же. Пока она заполняла анкету, он вспомнил начало собственной карьеры. Его отец, служивший управляющим в небольшом универсальном магазине, умер, оставив вдове кое-какие деньги, переданные в доверительное управление, и незаложенный дом в бруклинском Бэй-Ридже. Он сам, Уэйн, успел окончить два курса колледжа и поступить учеником бухгалтера в коммерческую фирму, когда началась Первая мировая война и его призвали. По возвращении из армии он потратил те невеликие деньги, которые ему удалось скопить, на вечернее обучение в одной из высших юридических школ Нью-Йорка. Они с матерью часто говорили о том, какая это удача – суметь закончить образование, несмотря на войну.

Несколько лет назад Уэйн, как теперь Марджи, откликнулся на объявление «Томсона-Джонсона»: фирме требовался молодой человек, сведущий в юриспруденции. Начав с жалованья в двадцать пять долларов в неделю, он, как пишут в биографиях успешных людей, «в результате упорного труда» скоро стал незаменимым во многих отношениях и теперь зарабатывал тридцать пять долларов в неделю. Мистер Прентисс считал себя счастливым, ведь ему удалось получить высшее юридическое образование и сразу после экзаменов – хорошую интересную работу. Ему казалось, что нужно так или иначе выразить благодарность судьбе за свое везение, и поэтому он проявлял участие к тем людям, которые приходили к нему в поисках места.

Заполнив бланк, Марджи первую графу оставила пустой и теперь смотрела на мистера Прентисса в задумчивости.

– Застряли? – спросил он.

– Мое имя... Не знаю, как...

– Имя пишете сначала, фамилию потом.

– Дело в том, что по крещению я Маргарет, но все зовут меня Марджи.

– А почему?

– Не знаю. Может, это проще выговорить, чем Маргарет. А вообще, как бы вас ни крестили, в Бруклине ваше имя все равно переделают во что-нибудь, что кончается на «-и».

– В некоторых частях Бруклина, – уточнил мистер Прентисс.

– Да-да, – согласилась Марджи, испугавшись: уж не сказала ли она лишнего?

– «Что значит имя?» – процитировал он и пояснил: – Это из Шекспира.

Марджи принялась лихорадочно искать подходящий ответ. Скажи она просто «да», это может прозвучать недостаточно вежливо. Если сказать: «В самом деле?» – мистеру Прентиссу будет, наверное, приятно, что он произвел на нее впечатление своей образованностью. С другой стороны, как бы он не счел Марджи глупой. Решив пойти обходным путем, она сказала:

– Шекспир много умного написал.

– Каждым словом попадал прямо в точку. Каждым словом! – похвалил мистер Прентисс великого драматурга.

Наконец анкета была заполнена. Марджи успокоилась и даже жалела о том, что этот эпизод завершился. Мистер Прентисс начинал ей нравиться. Она находила его человеком ученым и в то же время добрым.

Он подписался на бланке и, прикрепив к нему оба рекомендательных письма Марджи, убрал его в ящик своего стола, а затем, встав, произнес:

– Для начала двенадцать долларов в неделю. Работать будете с половины девятого до пяти. – Контора была старомодная, безо всяких кнопок, поэтому ему пришлось, повысив голос, позвать: – Мисс Барник?

Беззвучно ступая по полу резиновыми каблуками, вошла худая, смуглолицая, ничем внешне не примечательная женщина лет сорока-пятидесяти.

– Это мисс Шэннон, – сказал мистер Прентисс. – Мы берем ее на испытательный срок для чтения корреспонденции. – Обратившись к Марджи, он пояснил: – Мисс Барник будет вами руководить.

– Идемте за мной, – скомандовала мисс Барник.

– Ей незачем начинать сегодня же, – заметил мистер Прентисс.

– Я могла бы ей все показать, чтобы завтра утром не тратить на это время.

Босс одобрил:

– Хорошая идея. Приходите завтра к половине девятого, мисс Шэннон.

– Спасибо, – кивнула Марджи. – Большое спасибо.

– Удачи! – крикнул он ей вслед.

В большой комнате почти вплотную друг к другу располагались широкие столы. Мисс Барник указала на один из них:

– Этот стол будет ваш.

Марджи сразу в него влюбилась – такой он был большой, блестящий и аккуратный. Вдоль края выстроилось с полдюжины проволочных корзиночек, рядом с ними стояла стеклянная банка с крупными булавками. Перед каждой корзинкой лежала стопка листочков разных цветов. На белых было написано: «Обычные», на желтых – «Вопросы», на розовых – «Жалобы», а на синих Марджи прочла пугающее слово «Угрозы». Рядом лежал блок почтовых наклеек.

– Рути, ваша соседка, объяснит вам что к чему, – сказала мисс Барник. Рути и Марджи улыбнулись друг другу. Мисс Барник поплыла дальше, Марджи за ней. – Здесь уборная, – сказала она. – А теперь я вас оставляю.

– Завтра в половине девятого? – уточнила Марджи.

– Будет лучше, если вы придете к восьми двадцати. Человек, который преуспевает в делах, – произнесла мисс Барник сурово, – приходит на работу на десять минут раньше, а уходит на десять минут позже. И кстати, у нас здесь не любят тех, кто постоянно смотрит на часы.

– Да, мэм, – почтительно ответила Марджи.

Мисс Барник ушла. Марджи зашла в уборную, там сняла шляпку и причесалась. Перед умывальником пудрила нос какая-то девушка – видимо, тоже новенькая, потому что тоже в шляпке. Они с Марджи принялись изучать друг друга в зеркале. «Красивая стрижка, – подумала Марджи. – Сзади снято коротко, как у мальчика, а с боков волосы выбиваются из-под шляпки волной».

Некоторое время девушка молча позволяла себя разглядывать, а потом повернула голову, улыбнулась, влажно блеснув золотой коронкой, и добродушно-задиристым тоном спросила:

– Что? Никогда раньше куклу не видела?

– Залюбовалась твоей прической, – призналась Марджи.

Девушка сняла шляпку. Пепельные волосы на затылке были прямые, гладкие и блестящие, а по бокам образовывали два дымчатых облачка.

– Восхитительно, – прошептала Марджи.

– Спасибо. Тебя только что приняли?

– Да.

– Меня тоже. Я как раз выходила из кабинета этого... как его там... когда ты вошла.

– Я тебя не заметила.

– Ты глядела так испуганно, что, наверное, вообще ничего не замечала.

– Мне кажется, это очень хорошая работа, – поделилась Марджи.

Девушка пожала плечами.

– Работа как работа.

– Я, когда заполняла анкету, немножко засомневалась насчет имени, – сказала Марджи, неловко намекая на то, что не мешало бы познакомиться. – В итоге написала «Марджи Шэннон».

– А как тебя на самом деле зовут?

– Марджи Шэннон.

– Тогда проблем не будет, если только они здесь не имеют чего-нибудь против ирландцев. – Девушка рассмеялась. – Я Айрини. Можно просто Рини. Рини О'Фэррон. Ирландка, протестантка.

– А я ирландка-католичка, – призналась Марджи.

Обе девушки почувствовали укол разочарования, оттого что оказались не одной веры.

– Парень у меня тоже католик, – сказала Рини, решив продемонстрировать широту взглядов.

– У меня тоже, – ответила Марджи. Хоть парня у нее вовсе не было, ей не захотелось оставлять откровенность без ответа. – Правда, мы встречаемся непостоянно.

– Что делаешь сегодня вечером? – спросила Рини.

– Домой, наверное, пойду...

– Идти домой стоит тогда, когда больше пойти некуда.

– Это верно.

– Тогда пошли в кино, – предложила Рини.

Марджи мысленно произвела подсчеты: в сумочке у нее осталось сорок пять центов. Пять на трамвайный билет до дома, десять – на сэндвич. Мать спросит, куда делось остальное, а Марджи скажет, что ей пришлось объехать несколько мест, прежде чем ее приняли.

– А пошли! – безрассудно согласилась она.

Марджи была счастлива. День прошел чудесно. Работа заранее ей нравилась, мистер Прентисс будет замечательным начальником, а Рини – замечательной подругой. При мысли о цветочной лавке Марджи содрогнулась: если бы ее туда приняли, она не попала бы в фирму «Томсон-Джонсон» и упустила бы все это. «В каком-то смысле даже хорошо, – подумала она, – что я немодная».

Глава 4

Марджи относилась к работе чрезвычайно добросовестно, особенно в первые несколько недель. Все письма она прочитывала от начала до конца, хотя мисс Барник объяснила ей, что это не обязательно: большинство писем можно отнести к той или иной категории уже по первому предложению. Марджи пыталась делать так, но ей становилось любопытно, и она дочитывала до конца. Рути успокоила ее: дескать, вскрыв десяти тысячный конверт, она от всего этого устанет.

С особым интересом Марджи ждала посланий, которые следовало классифицировать как «Угрозы». Их авторы собирались подать на фирму в суд, потому что полученный ими товар отличался от представленного в каталоге, цена оказалась выше изначально названной, или деньги за покупку, отосланную обратно, не были возвращены. Марджи полагалось, прикрепив к такому письму синюю бумажку, немедленно нести его боссу. Иногда за день она доставляла мистеру Прентиссу четыре угрожающих послания, иногда – ни одного. Когда она входила, он никоим образом не показывал, что замечает ее присутствие: не благодарил и даже не поднимал головы. Он был занят делом и не позволял себе тратить время на любезности. Марджи уже начала подозревать, что ошиблась, сочтя своего начальника добрым дружелюбным человеком.

А однажды она и вовсе навлекла на себя грозу.

Ее обыкновение из неумеренного любопытства прочитывать письма до конца привело к тому, что она взяла и ответила одному из писавших! Довольно часто в контору приходили странные или глупые письма, и девушки показывали их друг другу, чтобы посмеяться. Одно из таких посланий попало на стол к Марджи.

Фермер, проживавший близ Трентона (штат Нью-Джерси), решил, видимо, что по почте можно заказать абсолютно все, и попросил фирму «Томсон-Джонсон» прислать ему жену. Требованиям было только два: молодость и трудолюбие. Его жена недавно умерла, а управляться с фермой без женщины он не мог.

Во время обеденного перерыва Марджи ему ответила, в романтических выражениях посоветовав дождаться того дня, когда придет истинная любовь, и не жениться только ради того, чтобы получить работницу. Поместив письмо фермера в корзинку с ярлыком «Ответа не требуется», Марджи почти забыла об этом эпизоде. Правда, она поняла, что сделала глупость, и временами испытывала чувство, похожее на стыд.

Но фермер написал снова, прося ее, Марджи, выйти за него замуж. Письмо, адресованное мисс Шэннон, попало на стол к девушке, которую приняли на работу после Марджи. Эта девушка, прочитав послание и поразмыслив над ним, прикрепил к нему ярлычок «Угроза» и отнесла мистеру Прентиссу. Тот послал за Марджи.

– Мисс Шэннон, – сказал он ей, – понимаете ли вы, что сотрудникам запрещается получать на этот адрес личную почту?

– Да, сэр. Я никому не разрешала мне сюда писать.

– Вы в этом уверены?

– Да, сэр.

– Тем не менее вы получили письмо сугубо личного содержания.

Марджи испугалась. Кто же мог ей написать? Может, кто-нибудь, кому их семья задолжала, решил поставить ее в неловкое положение, чтобы быстрее возвратили деньги? Она вспомнила, как однажды отец купил у одного человека на фабрике десятицентовый билетик церковной лотереи и выиграл индейку, которую ему доставили на работу, а мастер пригрозил выгнать его, чтобы он, черт возьми, не занимался личными делами в рабочее время.

«Меня уволят, – подумала Марджи, – а при увольнении не дают рекомендаций. Как же я тогда найду себе новое место? А я еще надеялась, что в конце года мне прибавят два доллара...»

– Не понимаю, как такое могло получиться, мистер Прентисс, – промолвила Марджи, запинаясь. – Я вообще не знаю, кто бы мог мне написать – даже домой.

– Не будем делать из мухи слона, – сказал босс. – Хорошо, что письмо попало ко мне, а не к вашей непосредственной начальнице. Тогда вас могли бы уволить. Но я не буду об этом докладывать.

– Спасибо, – пробормотала Марджи и немного подождала.

Он молчал, она повернулась, чтобы выйти.

– Секунду, – сказал мистер Прентисс наконец. – Вы, вероятно, хотите прочесть письмо, ведь формально оно ваше. – Он позволил себе слегка улыбнуться.

Не отходя от стола босса, Марджи пробежала послание глазами, и ее лицо запылало от смущения. Пока она читала, он наблюдал за нею, сняв очки. Оторвавшись от листка, Марджи заметила, что без очков ее начальник выглядит молодо – почти мальчишкой. Она вернула ему листок.

– Не хотите это сохранить? – спросил он. – В конце концов, девушки не каждый день получают предложения руки и сердца.

– Нет, сэр, не хочу. – Глаза Марджи загорелись непролитыми слезами стыда.

Мистер Прентисс порвал письмо и бросил в мусорную корзину:

– Тогда будем считать инцидент исчерпанным. Надеюсь, что это не повторится.

– Не повторится, сэр, – пообещала Марджи.

Еще несколько секунд она стояла и ждала. Он тоже ждал. Она подумала: «Есть столько всего, о чем бы я с ним поговорила, если бы мы были одного класса». Он подумал: «Хорошо бы все о ней разузнать: где живет, кто родители, какие у нее надежды на будущее, какие мысли. Тогда мне было бы проще найти с ней общий язык, если как-нибудь вечером мы выйдем вместе из конторы... Хотя нет, она может неправильно понять. Пойдут разговоры. Начальству это не понравится. „Дружба с младшими сотрудницами до добра не доведет“, – так сказал мистер Томсон, когда заметил, что мне слегка нравится рыженькая Мэри. А мать!» Мысль об «измене» матери (это было ее собственное определение) придала маленькому эпизоду с Марджи неприятное послевкусие.

– Ступайте, – сказал мистер Прентисс отрывисто и проводил девушку взглядом.

Прошло довольно много времени, прежде чем он надел очки и сумел сосредоточиться на письмах с ярлычком «Угроза», скопившихся у него на столе.

Весь оставшийся день Марджи только и думала, что о своем начальнике. От этих мыслей ей стало очень грустно, и вспомнились строчки из стихотворения, которое она заучила в школе:

Нет ни для уст, ни для пера
Печальней слов, чем «я б могла».

Марджи почувствовала себя совсем как Мод Мюллер⁸, которая летним днем, сгребая в поле сено, встретила судью. «Мистер Прентисс и я – два корабля в ночном море, – подумала она. – Вот если бы я окончила колледж, как он, или занимала бы здесь хорошую должность, тогда бы он, может, и обратил на меня внимание. Правда, он староват. Но это ничего; это даже лучше, когда муж старше жены».

Позволив себе немного помечтать в медлительные послеобеденные часы, Марджи все-таки пришла к выводу, что мечты ее несбыточны. Выйти замуж за своего босса – это роман-

⁸ Заглавная героиня цитируемого стихотворения американского поэта Джона Гринлифа Уиттьера (1807–1892).

тично, но неправдоподобно. Конечно, она прочла множество историй о том, как начальники женились на секретаршах, однако секретарша всегда оказывалась девушкой из высшего общества, которая работала под вымышленным именем в отцовской фирме, желая доказать родителям, что способна самостоятельно зарабатывать себе на жизнь. Жених, в свою очередь, оказывался молодым управляющим, подающим большие надежды: отец невесты доволен его работой, против свадьбы не возражает и даже делает зятя вице-президентом. А иногда бывало по-другому: в фирме инкогнито работал сын босса. Молодой человек влюблялся в секретаршу, не подозревающую о том, кто он. В таких случаях девушке полагалось обладать сногшибательной красотой и веселым бойким нравом.

Со вздохом сожаления Марджи отогнала от себя мысли о союзе с начальником. К концу рабочего дня путем рациональных умозаключений ей также удалось совладать со стыдом, вызванным получением письма и внушением от мистера Прентисса.

– В конце концов, – объяснила она Рини, когда они вместе выходили из конторы, – я не виновата. Я же не просила фермера писать мне.

– Через пятьдесят лет ты об этом даже не вспомнишь, – сказала подруга утешительно, – а если и вспомнишь, то разве только для того, чтобы похвастаться другим старушкам в богадельне: парень, дескать, сделал мне предложение, а я отказалась.

– На самом-то деле я даже не...

– Предложение есть предложение, – твердо заявила Рини, – каким бы образом его из мужика ни вытянули. А на твоём счету первый отказ.

– Думаешь, меня когда-нибудь позовут замуж по-настоящему?

– А как же! Только ты сразу не соглашайся. Нужно раза три сказать «нет», прежде чем скажешь «да».

– Ты так сделаешь?

– Всегда делаю.

– То есть как? – Марджи испытала легкий шок, поняв, что Рини имеет в виду. – Раз ты не замужем, значит, ты не могла говорить «да»...

– А я не о замужестве, я о том, чтобы немножко поломаться, прежде чем уступить.

– Рини!

Рини вдруг рассмеялась.

– Как не стыдно плохо думать про подругу!

Марджи облегченно вздохнула.

– Так ты пошутила... – Она нежно пихнула Рини локтем. – Вечно ты шутишь!

– Да, я такая. Меня хлебом не корми, дай посмеяться. А тебя мне жалко.

– Почему?

– Потому что в следующую субботу на исповеди тебе придется сказать священнику, что ты дурно подумала о подруге.

– Да не было у меня никаких дурных мыслей!

– А еще придется сказать, что ты солгала.

– Это когда же?

– А сейчас, когда сказала, что у тебя не было дурных мыслей.

– Давай поговорим о чем-нибудь другом, – произнесла Марджи.

Рини заглянула в помрачневшее лицо подруги и, приобняв ее, сказала:

– Ох, Марджи! Нельзя все воспринимать так серьезно. Учись шутить и понимать шутки, а то жизнь будет для тебя ужасно унылой.

Примерно через неделю, выходя из конторы, Марджи, Рини и Рути увидели маленькую бойкую старую леди, кокетливо беседующую с частным детективом, который стоял в дверях и следил, чтобы девушки не уносили с собой товаров. Весь ее наряд был серый: серое платье,

серая шляпка без полей с букетиком искусственных фиалок, туфли-«лодочки», перчатки и сумочка из серой замши, чулки из полупрозрачного серого шелка. Пахло от дамы резкими пряными гвоздичными духами.

– Жду своего прекрасного кавалера, – сказала она детективу, когда девушки проходили мимо. – В день моего рождения он всегда ведет меня сначала в театр, а потом ужинать.

Девушки, глядя на пожилую даму с нескрываемым любопытством, задержались у выхода, чтобы посмотреть на «прекрасного кавалера». Каждая пыталась угадать, кто бы это мог быть. Марджи подумала на бухгалтера мистера Бетца – старого щеголя, который всегда носил в петлице белую гвоздику и в прохладные дни надевал бежевые гетры до шиколоток.

Она была поражена, когда из лифта вышел мистер Прентисс и пожилая леди тут же заявила о своих правах на него, скользнув рукой ему под локоть. «Прекрасный кавалер! – подумала Марджи довольно неприязненно. – Гм!»

Дотронувшись до шляпы, мистер Прентисс попрощался с девушками и хотел пройти мимо, но мать остановила его. Улыбнувшись, она посмотрела прямо в лицо каждой из трех с таким выражением, будто хотела сказать: «Вы так молоды, у вас вся жизнь впереди! Не отнимайте моего сына – единственное, что у меня есть».

Чуть в стороне стояла еще одна девушка: она нахально разглядывала родственную пару, опершись локтем о радиатор. Миссис Прентисс хотела улыбнуться и ей, но, увидев ее рыжие волосы, сразу поняла, что это та самая Мэри, о которой сын столько говорил. Любезная улыбка мгновенно превратилась в гримасу ненависти. Теснее прижав к себе мистера Прентисса, старая леди утащила его за собой прочь из здания.

Три подруги тоже вышли и зашагали по улице немного позади них.

– Повезет той девушке, которая выйдет за него замуж, – сказала Рути. – Он такой хороший сын!

– Кому надо замуж за хорошего сына? – возразила Рини. – Лично я предпочла бы хорошего мужчину.

– По-моему, это мило, – ответила Рути, – что они больше похожи на влюбленную парочку, чем на мать и сына.

– А по-моему, это дурно пахнет.

– Рини! – одновременно одернули ее подруги.

– Раз уж мы об этом заспорили, – продолжила она, – то скажи мне, Рути: ты бы вышла за мужчину, который сюсюкает с мамашей?

– Вышла бы! – произнесла Рути отважно.

– А ты, Марджи?

– Если он мне когда-нибудь предложит, я дам тебе знать.

Глава 5

Миссис Прентисс сидела за столиком в ресторане «Гейдж энд Толлнер», выпрямив спину и с трудом дотягиваясь до пола носками маленьких ног. Над ней склонился вышколенный официант, державший поднос с десертами так почтительно, словно предлагал бриллианты и рубины королеве.

– Дайте-ка подумать... – Миссис Прентисс склонила голову набок, уперев палец в глубокую морщину на правой щеке. – Все выглядит изумительно! Не могу выбрать между абрикосовой корзиночкой и кофейным эклерчиком.

– Возьми и то и другое, – предложил сын.

– Ну что ты! Разве могу я быть настолько жадной?!

Официант переступил с ноги на ногу. Это движение заменило ему вздох. Старая леди подняла голову и улыбнулась ему. Там, где раньше возникали ямочки, теперь залегли складки, но благодаря знакомому сокращению мышц миссис Прентисс ощутила себя столь же пленительно женственной, какой была в двадцать лет.

– Ах вы бедный! – пробормотала она понимающе. – Как вы, наверное, ненавидите слабых женщин, которые никак не могут понять, чего хотят!

– Ни в коем случае, мэм! – Галантной улыбкой официант извинился за то, что его ноги позволили себе вздохнуть. – Выбирайте не спеша. Это моя работа.

– До чего он милый! – воскликнула миссис Прентисс, обращаясь к сыну.

Лицо официанта выразило удовольствие, смешанное со смущением. «Черт возьми! Скорее бы она хоть что-нибудь выбрала, и мы бы с этим покончили!» – подумал мистер Прентисс.

– Больше я ни секунды не заставлю этого приятного молодого человека ждать! – Крепко зажмурив глаза, как делают дети, миссис Прентисс медленно описала пальцем круг и протянула: – Возьму... – взрывообразно произнесла слово «это», она открыла глаза: палец указывал на неаполитанское ванильно-клубнично-шоколадное мороженое. – Но я его не хочу! – захныкала миссис Прентисс.

Официант снова переступил с ноги на ногу и вздохнул уже откровенно.

– Давайте первые два, – распорядился Уэйн.

Благодарный официант быстрыми отточенными движениями положил корзиночку и эклер на тарелку старой леди.

– Нет, нет, нет! – заверещала она и протестующе выставила руки ладонями вперед.

Люди за соседним столиком, перестав есть, подняли глаза и наблюдали эту исполненную драматизма сцену.

– Ах, мама! – произнес Уэйн нетерпеливо. – Больше ничего не нужно, – сказал он официанту, и тот с радостью удалился.

Миссис Прентисс убрала последнюю булочку с хлебной тарелки и взяла нож.

– Ты просто обязан помочь мне это съесть, – сказала она и надрезала эклер: наружу вытек бежевый крем.

– Мама, перестань, пожалуйста. Либо съешь сама, либо оставь.

Глаза миссис Прентисс вдруг наполнились слезами.

– Меня приучили не быть эгоисткой! – С этими словами она переместила липкие половинки обоих пирожных на тарелку из-под хлеба и протянула сыну. – Ну пожалуйста, скушай!

– Не хочу. – Зрители за соседним столиком поглядели на него с неодобрением. – Я терпеть не могу сладостей.

Миссис Прентисс поставила тарелку на стол. Ее рука задрожала, по щеке скатилась слеза. Уэйн запаниковал. Нужно было что-то сказать, причем срочно.

– Терпеть не могу сладостей, – повторил он и, с трудом сглотнув, прибавил: – Единственное сладкое, что мне нравится, это ты.

Поток горькой жижи внезапно хлынул ему в рот, как было в детстве, когда его укачало на пароме. Он залпом осушил стакан воды со льдом.

Углубив морщины на щеках, мать улыбнулась ему сквозь слезы. Она вдруг почувствовала себя защищенной, счастливой и любимой. Заинтересованные зрители растроганно улыбнулись маленькой старой леди и вернулись к своему ужину. Миссис Прентисс принялась изящно поедать пирожные, блуждая взглядом по соседним столикам.

Уэйн смотрел на мать, пытаясь представить себе ее молоденькой девушкой. Отец в ней души не чаял – так, по крайней мере, она всегда ему говорила. Из-за хрупкого телосложения ей не советовали иметь детей – это она тоже ему говорила много раз. Тогда зачем же она его родила? Просто не смогла устоять или решила предоставить его отцу неоспоримое доказательство своей любви? Или захотела по совести уплатить за кров, стол и статус жены? (Бедная и миловидная, она вышла замуж за достаточно обеспеченного мужчину.) Хотелось бы Уэйну знать, что ею руководило.

– Мама, – спросил он, – а почему у меня никогда не было брата или сестры?

– Тебе одиноко? – живо откликнулась она.

– Нет.

– Я сама старалась составлять тебе компанию в играх, когда была молодая. То есть моложе, чем теперь. Это же хорошо, что мы с тобой вдвоем: мать и сын. Мы хорошие друзья, разве не так, дорогой?

– Да, мама. – Он подавил вздох.

– Будь я уверена, что и другие дети вырастут такими, как ты, я бы родила еще. – Миссис Прентисс подождала, напряженно глядя на сына.

– Спасибо, дорогая, – сказал он галантно.

Стоя на кухне в подвальном этаже их с матерью бэй-риджского дома, он увидел, как из закрытого крана в медную раковину упала капля воды, и, достав носовой платок, стер ее. Он сделал это по привычке. С шестилетнего возраста чистка раковины была его еженедельной обязанностью. Двадцать пять лет он начинал каждое воскресенье с тряпкой в руках – кроме того времени, когда служил в армии, разумеется.

Уэйн выключил газ. Молоко разогрелось как раз так, как она любила: пенка только-только начала образовываться. Он налил его в высокий тонкий стакан и поставил рядом с украшенной цветочным рисунком тарелкой, на которой лежали два печенья «Набиско». Держа поднос в одной руке, а другую поднес к электрическому выключателю, он окинул кухню взглядом, как делает опытная домашняя хозяйка, когда собирается выйти из комнаты. Кастрюлька! Поставив поднос, он вымыл сотейник из-под молока, вытер и повесил на крючок. Подождал, пока перестанет раскачиваться.

На маме была изящная батистовая ночная сорочка с длинными рукавами и большим количеством складочек. Волосы она заплела в две косы и перевязала узкими лентами лавандового цвета. Свет бра с абажуром из присборенного розового шелка удачно ложился на ее лицо.

– Как славно, – сказала она, с улыбкой глядя на поднос, – что мы можем радовать друг друга этими маленькими излишествами. В воскресенье ты будешь спать до обеда, а завтрак тебе принесу я. Встану пораньше и приготовлю все, что ты любишь.

– Нет, мама! Я не могу тебе этого позволить.

– Позволишь. Это моя привилегия и мое удовольствие. К тому же так будет справедливо: ты обслужил меня, а я обслужу тебя.

Он сдался. Спорить с нею не имело смысла. Помолчав, он спросил, удобно ли ей.

– Я пригласилась как котенок.

- Хочешь еще чего-нибудь?
- Нет, но ты не убегай. Посиди немного.

Уэйн придвинул себе низкий стульчик и сел. Колени почти доставали до подбородка. Брюки задрались и натянулись. Он поерзал, стараясь принять такое положение, чтобы они не лопнули по швам.

- Как дела в конторе? – спросила мама, подперев подбородок ладонью.
- Да так себе. Обыкновенно. Ничего интересного.
- Ничего?

– Кроме того, что я вышел в холл и увидел приятную леди, которая меня ожидала. – Он пожал ей руку и был вознагражден сиянием удовольствия на ее лице.

– А скажи мне: та девушка, Марти, которая попросила фермера на ней жениться... Что из этого вышло?

– Марджи? Это *он* сделал предложение ей.

– Бедняжка! Она, наверное, мечтала о том, чтобы выйти за богатого фермера и не ходить больше ни в какую контору.

– Да нет же, совсем не так. Она просто захотела дать ему совет, а он ее неверно понял.

Ты же знаешь девушек!

- Как не знать? Я сама была молодой – хочешь – верь, хочешь – не верь.
- Верю.
- А та, другая? Ее до сих пор не перевели?
- Кого?
- Ты понял, о ком я: о той нахалке с крашеными рыжими волосами.
- Мэри?
- Тебе виднее, ты же всех по именам знаешь.

– Конечно, знаю, я их начальник. Нет, Мэри не перевели, мне самому нужны сотрудники.

И волосы у нее не крашеные: это ее естественный цвет.

Мама отрицательно помахала пальцем.

– Мы, женщины, можем дурачить вас, мужчин, но не друг друга.

Уэйн протянул ноги под кровать и сунул руки в карманы: так ему стало удобнее.

– Надеюсь, сынок, ты когда-нибудь женишься. Но пусть это будет девушка, достойная тебя. Мне бы хотелось поддержать внука или внучку на руках, пока я... пока я... не переправлюсь на тот берег.

– С женитьбой мне придется поспешить, – он улыбнулся, – я ведь уже четвертый десяток разменял.

– У тебя еще уйма времени. Твой отец женился только в сорок, причем не совсем неудачно. – Она задорно и кокетливо кивнула. – Хотя, конечно, не мне следовало бы это говорить.

– Тогда я подожду. Потому что... – он произнес нараспев: – «Ищу я девушку, как та, кого нашел отец...»⁹

– Напрасно смеешься, – добродушно пожурила мама. – В пословицах и в песнях много правды. Иначе они бы подолгу не жили.

– А я и не смеюсь. – Уэйн забрал у нее поднос. – С днем рождения! Пусть у тебя их будет много.

Он наклонился и поцеловал ее в щеку. Она обвила его руками и прижала к себе:

– Ты хороший мальчик, хороший. Не знаю, что бы я делала без тебя.

⁹ I want a Girl... («Я хочу жениться на девушке...») – популярная в США песня, написанная в 1911 году (музыка Гарри фон Тилзера, текст Уильяма Диллона).

Ему пришла в голову одна из тех мыслей, которые он считал предательскими. Он представил себе, как бы это прозвучало, если бы слова: «Не знаю, что бы я без тебя делала», – сказала ему молодая девушка. Он чувствовал себя связанным, понимая: пока мать жива, жениться ему нельзя. Ее смерти он не желал, но иметь жену и детей ему хотелось. Хотелось любить женщину и быть любимым ею. Иногда – очень нечасто (он не любил это вспоминать) – в его жизни находилось место тому, что он называл «купленной любовью». В те моменты, когда такие покупки совершались, они казались совершенно необходимыми, но сколько-нибудь продолжительного удовлетворения они не приносили. Он вздохнул, отгоняя от себя эти мысли.

– Что, дорогой? – спросила его мать.

– Ничего. Просто все наоборот: это я не знаю, что бы я без тебя делал.

Глава 6

Дождавшись, когда наблюдающая отвернется, Марджи посмотрела на часы: оставалось двадцать минут. С утра она ждала, когда рабочий день закончится, но теперь не радовалась приближению заветного часа. В аккуратном упорядоченном мире конторы она чувствовала себя дома в большей степени, чем в родительской квартире. Почти все письма, доставшиеся Марджи на сегодня, были уже рассортированы, и она сбавила темп: ей не хотелось управиться раньше Рини – это было бы не по-товарищески.

Пользуясь тем, что наблюдающая ушла в другой конец зала, Марджи сказала подруге:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.